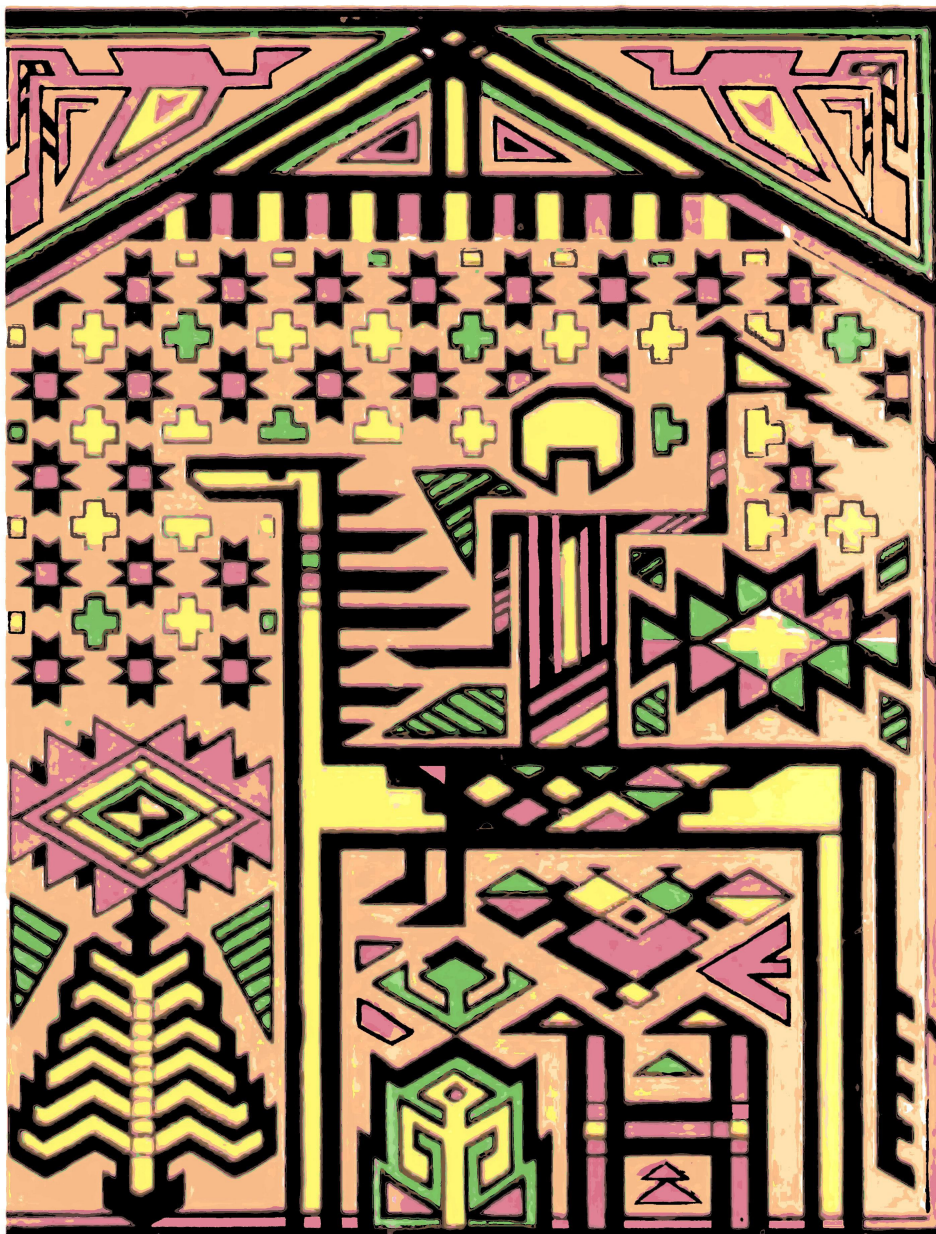

МАРАТ ДУРДЫЕВ

ТУРКМЕНИ

Марат ДУРДЫЕВ

ТУРКМЕНЫ

**(поиски предков туркменского народа
и его исторической прародины)**

Ашхабад «Харп» 1991

ББК 63,5(2)

Д 84

М. Дурдыев.

Туркмены (Поиски предков туркменского народа и его исторической прародины).—А.: Харп, 1991. 56 с.

Д—0505000000—91

ББК 63,5(2)

© Малое предприятие «Харп», 1991

ОТ АВТОРА

Вряд ли можно найти сейчас человека, который бы усомнился в огромной значимости для всей нашей жизни истории. Ибо она — святая святых народа. Много лет назад туркменский поэт Кара Сейтлиев говорил: «Народ — это дерево, корни которого — его история. Не будет корней, не будет дерева, не будет истории — не будет и самого народа».

Именно в истории заключена особая арматура, связывающая народ по вертикали веков. И, видимо, закономерно, что у туркмен в далеком, да и относительно недавнем прошлом в каждом роду и даже каждой семье хранились родословные — «шеджере», передававшиеся из поколения в поколение. Хивинский хан и историк Абу-л-Гази, создавший в середине XVII века обобщенную «Родословную туркмен», писал по этому поводу: «... туркменские муллы, шейхи и беки прослышали, что я хорошо знаю историю; и вот однажды все они пришли ко мне и сказали: «У нас в народе есть много разных списков сказания об Огузе (Огуз-наме), но нет ни одного хорошего; все они полны ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде». И когда они высказали просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история», — я уважил их просьбу».

И тем не менее мы сейчас с полной ответственностью заявляем, что история туркменского народа, разбросанного по различным странам и регионам Ближнего и Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Восточной Европы и Казахстана, пока еще не написана.

Причин тому много. Одни из них имеют исторический характер, другие прямо связаны с искажением исторической правды в угоду идеологическим и политическим конъюнктурам правящих режимов. Вспомним, как рассуждают герои романа Джорджа Оруэлла «1984» — творцы супертоталитарного режима: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим тот управляет прошлым».

Сколько раз, исходя из этих порочных постулатов, по указке правящих кругов переписывалась история разных

стран и народов. Наша отечественная история за последние семьдесят лет переписывалась по крайней мере уже четырежды — при Сталине писалась одна история, при Хрущеве — другая, при Брежневе — третья, сейчас мы ее пересматриваем уже в четвертый раз. Можно себе представить, какие бы представления о прошлом мы имели, если бы также переписывалась заново история Тутанхамона и Клеопатры, Александра Македонского и Дария!

Тем не менее многие историки, например, академик Академии наук Туркменистана Мурад Аннанепесов, допускают возможным такой подход к нашим историческим знаниям. Заявляя, что «история — божественная наука», он указывает, что «с другой стороны, она — опасная и коварная наука (!). Ее подчас используют в качестве податливой служанки для оправдания самой безрассудной политики».

Да, «история — божественная наука». Но согласившись с этим, необходимо признать, что она не может и не должна быть служанкой, как и всё, что является «божественным». Ведь не случайно древние греки покровительницей истории считали Клио — дочь великого олимпийского бога Зевса и богини Мнемосины.

Не наука, в силу своей «опасности и коварности», а лишь определённая часть так называемых «учёных», безнравственных и беспринципных, становятся слугами политиканов, продаваясь за «двенадцать серебряников» — учёные степени и научные звания. Подлинные учёные слугами не становятся.

Прошлое изменить нельзя. Оно данность, как земля, в которой покоятся наши предки, как сами наши предки, которых мы не вправе выбирать или изменять их облик. Поэтому логически — историческое знание, а стало быть и историческая наука в идеале истинны, как и законы естественных наук — физики, математики, химии, биологии.

Стремление сделать науку служанкой тоталитаризма привело нашу страну к отставанию в большинстве научных направлениях — генетике, кибернетике и др. Творцов нового, социалистического абсолютизма не удовлетворяла и историческая наука. Показательно, что одним из первых «громких» процессов над «врагами народа» был процесс над историками — академиками Е. Тарле, С. Платоновым, Н. Лихачёвым, профессором Б. Романовым и другими, осуждёнными внесудебным заседанием ОГПУ в августе 1931 г. Вслед за этим процессом осенью того же года сталинскими идеологами был дан сигнал к наступ-

лению на всю отечественную историческую науку — началась чудовищная операция по лишению народов страны исторической памяти. Сталину принадлежат полные цинизма и презрения к учёным-историкам слова: «Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии лидеров надо проверять по их делам прежде всего, а не только по их декларациям».

Указания вождей тоталитаризма стали объявляться последним словом науки, серьёзные исследования подменялись эрзацами по образцу и подобию «Краткого курса истории ВКП(б)» — этого священного писания сталинистов.

Всех историков подстригли под одну гребёнку, одели в одни одежды, вбили им в головы монолитное единомыслие, дали им одну методологическую базу, один объект исследования, творчество подменили убогими схемами. Член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории» А. А. Искандеров всвязи с этим говорил: «Из труда историка вытравливался элемент творчества, в коллективных монографиях унифицировались, приглаживались и мысли, и стиль авторов. Считалось, что коллектив с успехом заменит любого, даже самого талантливого одиночку. Росли огромные институты,¹ отдача же от них, в особенности в области разработки крупных теоретических проблем, была минимальной. А ведь труд историка — я тут не скажу ничего нового — глубоко индивидуален. Здесь нужна творческая личность... Фундаментальность стала отождествляться с многотомностью изданий и толщиной книг... И что же мы имеем в итоге? Самые крупные неудачи нас постигли как раз в деле создания престижных многотомных работ... Никак не могут выпустить последний двенадцатый том «Истории СССР с древнейших времён до наших дней», потому что если сделать честно — а иначе сегодня просто не получится, — то придёт он в полное противоречие с предыдущими томами... По совести говоря, мы должны были бы вернуть читателям деньги за эти так быстро устаревшие книги».

Эти слова целиком и полностью можно отнести и к туркменской исторической науке. Вышедший в свет в середине пятидесятых годов академический двухтомник (в трёх книгах) «История Туркменской ССР». был не просто тенденциозным, он был безнадёжно устаревшим ещё в рукописи. Трагедия заключается не только в этом. Двухтомник и по сей день является по существу един-

ственным изданием такого рода по истории Туркменистана с древнейших времён.

Это можно видеть по выступлениям ведущих историков Туркменистана в печати. После серии «круглых столов» историков в обществе «Знание» в 1990 г., на которых много говорилось о необходимости ликвидации «белых пятен» нашего прошлого, один из руководителей исторической науки республики заявил корреспонденту молодёжной газеты:

«— В республике ведётся работа над новым шеститомником истории ТССР,— не упомянув, впрочем, о конкретных сроках выхода в свет многотомного труда.— **А от статей в широкой печати мы воздерживаемся по рекомендации директивных органов (!?)**

— **Историки не газетчики. Они живут по принципу «торопись медленно»,—** добавил другой» («Комсомолец Туркменистана», 3 марта 1990 г.).

Не надо быть провидцем, чтобы видеть, что академические историки, как и прежде, ждут указаний (называя их ныне стыдливо «рекомендациями»), как писать историю народа. Сможем ли мы в такой ситуации получить в будущем правдивую историю? Сомнительно.

- Практически на сегодняшний день мы лишены исторической правды не только по истории советского общества, но и по древнейшей, античной, средневековой истории. Существует закономерность — там, где образуется вакуум правдивой информации о прошлом, появляются различного рода спекуляции на истории, сенсационные «открытия», которые делаются людьми, далёкими от собственно истории. Примером тому могут служить «открытия», что туркмены ведут своё происхождение от шумеров, арийцев, готтов, хеттов и т. д.

Вот почему сегодня, как никогда, стоит настоятельная необходимость разработки условных проблем истории народа. И, естественно, что одной из таких проблем является поиск и правдивое освещение истории начальных этапов истории народа, его исторической прародины и предков, т. е. всего того, что определяется ёмким словом — этногенез.

В настоящей работе предпринимается попытка на основе обобщения современных результатов современных антропологических, археологических, исторических, этнографических, медико-генетических и иных изысканий дать широкому кругу читателей общий очерк происхождения

туркменского народа, показать, говоря словами летописцев,— «откуда есть пошла земля туркменская».

Представляя на суд доброжелательного читателя очерк ранней истории туркменского народа, хотелось бы напомнить ему несколько изречений вещаго деда Коркуда туркменского героического эпоса:

«Дочь без примера матери наставления не примет; сын без примера отца угощения не устроит... Ещё говорил дед Коркуд: на трудных путях не умеющему ездить на туркменском коне негодному джигиту лучше на коня не садиться; ударяющим, режущим мячом трусам лучше ударов не наносить; для джигита, умеющего бить, лучше меча со стрелой палица. Чёрным домам, куда не приходит гость, лучше обрушиться. Горьким травам, которых не ест конь, лучше бы не вырасти; горьким водам, которых не пьёт человек, лучше бы не течь; грубому сыну, от кого нет славы имени отца, лучше бы не выйти из спинного хребта отца, не войти в чрево матери, не родиться на свет. Прославляющим имя отца, данным на радость сыном хорошо быть. Лживым речам лучше бы не появляться на этом свете; правдивым людям лучше бы жить трижды тридцать десятилетий. Жить бы вам трижды тридцать десятилетий; да не наслёт на вас Бог беды, да будет прочно ваше счастье, хан мой».

Эти слова туркменского пророка и певца были моим руководством в поисках прародины и предков туркмен. Пусть они станут наставлением всем, кто прикасается к истории своих отцов и дедов.

ГДЕ ИСКАТЬ ПРАРОДИНУ ТУРКМЕН?

Вопрос этот отнюдь не риторический. Напротив, он представляется ключевым для понимания всей проблемы происхождения туркменского народа.

Большинство исследователей пыталась искать историческую прародину туркмен, базируясь на сообщениях средневековых восточных авторов и генеалогических преданиях. Думается, это не совсем оправдано. Не отрицая большую значимость генеалогических преданий для исторических реконструкций, нельзя не указать, что они как правило являлись особой формой идеологической надстройки для закрепления господства ведущих этнических группировок, из которых формировались высшие эшелоны власти в различные исторические периоды. В них достаточно ярко выражалась оруэлловская формула «кто управляет настоящим, тот управляет прошлым».

В связи с этим генеалогические предания требуют к себе строго критического подхода, ими можно пользоваться для исторических реконструкций лишь в совокупности с другими историческими, археологическими, этнографическими и иными источниками.

Генеалогические предания, имеющиеся в распоряжении науки, рисуют происхождение туркменского народа по преимуществу в однолинейном плане, не учитывая того, что становление любого народа сложный, порой противоречивый процесс, в котором участвуют различные этнические компоненты.

Слепое следование генеалогическим преданиям, что имеет место в современной туркменоведческой литературе, неизбежно приводит к схематизму и тенденциозности в изложении этнической истории. Именно некритическое отношение к народным генеалогиям-меджере привело в свое время к возникновению однолинейной схемы происхождения туркмен, которую по существу можно свести к очень простой схеме: «туркмены — суть огуны».

Огузы, как известно, представляли собой конфедерацию кочевых тюркоязычных племён, ведущих своё происхождение с Алтая и Южной Сибири. Завоевав народы, проживавшие на территории современного Туркменистана, они передали им свой тюркский язык и, занимая место политически главенствующего этнического слоя, в известной степени свою генеалогию. Общим и для огузов и для завоеванных ими народов и племён мифологическим прародителем стал Огуз-хан.

Исходя из этого, многие как дореволюционные, так и советские исследователи стали искать прародину туркмен в местах первоначального расселения племён огузского круга. Больше того, туркмен вместе с огузами объявили исконные кочевым скотоводческим народом, «степными варварами», которым были чужды даже зачатки земледелия.

Из этой заведомо неверной посылки, следовал и поиск предков туркменского народа исключительно в среде азиатских степняков. К сожалению, точка зрения, что туркмены в прошлом являлись лишь воинственными номадами продолжает перекочёвывать из одной работы в другую современных как отечественных, так и зарубежных авторов. Наиболее чётко о туркменском номадизме из современных авторов говорит Г. Е. Марков. В своей монографии «Кочевники Азии» — своеобразной энциклопедии восточного номадизма — он помещает туркмен в ряд классических кочевников вместе с монголами, казахами и арабами Аравийского полуострова, решает на их примере некоторые теоретические проблемы номадизма. Справедливости ради следует сказать, что Г. Е. Марков не пытается искать прародину туркмен на территории Алтая, Южной Сибири или казахстанских степей, подчёркивая, что «по своему происхождению туркмены восходят главным образом к древним обитателям западных прикопетагских областей и прилегающих к ним с севера степей».

Археологические исследования последних десятилетий в различных регионах Туркменистана, данные этнографии, однако, опровергают гипотезы извечного туркменского кочевничества. Согласно им, на территории Туркменистана располагался один из мировых центров становления и развития раннеземледельческих цивилизаций древневосточного типа, здесь уже в конце эпохи бронзы возникли древнейшие на территории СССР города, синхронные и типологически близкие городам Месопотамий, других регионов Древнего Востока.

Высокое развитие земледельческой культуры наблюда-

лось в Туркменистане и в эпохи античности и средневековья. Как показали новейшие исследования, оно наблюдалось даже в тех его областях, которые прежде считались традиционными зонами кочевого скотоводства, например, в Приузбое и Присарыкамышье. Небезинтересно в связи с этим мнение по этому поводу одного из признанных знатоков археологии и истории Туркменистана члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова: «Грандиозная и сложная оросительная система окраин Сарыкамышской котловины была создана туркменским земледельческим населением этого района — факт исторически очень важный и свидетельствующий о древних земледельческих традициях и навыках туркменских племён, которых в литературе нередко ещё рисуют как вчерашних кочевников».

В свете новейших исследований всё больше становится ныне сторонников концепции о комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве туркмен, при котором, говоря словами Т. А. Жданко, — «почти все туркменские племена неоднократно осваивали под земледелие различные районы, затем, под влиянием различных политических событий или изменений природных условий, переселялись, кочевали, снова оседали и переходили к оседлости». Академик АН Туркменской ССР Мурад Аннанепесов, проанализировав различные концепции относительно хозяйства туркмен, пришёл к выводу, что «наиболее обоснованной является точка зрения о комплексном характере хозяйства туркмен. Она полностью учитывает особенности Туркменистана, многовековая история которого опровергает абстрактное деление населения на традиционных кочевников и земледельцев».

Не согласиться со справедливостью этого мнения вряд ли возможно. Тем более, что специалисты по народонаселению — демографы на основе математических методов подсчёта, что на территории Туркменистана «чистым кочевничеством» без искусственного кормодобывания и эпизодического земледелия может заниматься не более 100—110 тысяч человек, т. е. в 10—40 раз меньше, чем реальное население здесь в различные исторические эпохи.

Эти данные, в частности, были получены демографом Ш. Кадыровым, использовавшим предложенную нами формулу определения гипотетического максимума кочевого скотоводческого населения, способного существовать в природно-географических условиях Туркменистана:

$$\Gamma \text{МС} = \frac{M \text{ макс.}}{C \text{ мин.}} \cdot 5,$$

где М макс.—число овец, которых способны прокормить естественные пастбища Туркменистана; С мин.—число овец, обеспечивающих прожиточный минимум кочевой скотоводческой семьи; 5 — средний размер членов одной семьи, принятый в демографии. Подставляя значения, полученные на основе данных экономической географии, этнографии и демографии, формула приобретает следующий вид:

$$\Gamma \text{МС} = \frac{6 \text{ млн.}}{150} \cdot 5 = 200 \text{ тыс.}$$

Однако эта величина получена без поправки на социальную структуру кочевых скотоводов. Внесение соответствующей коррективы уменьшает выведенную цифру ГМС вдвое, что близко к реально установленным цифрам численности кочевого скотоводческого населения Туркменистана переписями населения. По переписи населения 1926 года кочевых скотоводов в Туркменистане было 112 тысяч человек, по оценкам Госплана Туркменской ССР в 1930 г.—87,8 тысяч человек. Уменьшение здесь связано с последствиями гражданской войны, коллективизации, спровоцированного ею так называемого басмаческого движения и массовой эмиграции туркмен в соседние Афганистан и Иран. Таким образом, мы видим, что при численности 100—110 тысяч человек сколько-нибудь значительное увеличение естественного прироста в кочевой скотоводческой среде создавало предпосылки для распада самого кочевничества, перехода к оседлости и земледелию.

В свете сказанного, вряд ли можно признать оправданными поиски предков туркмен исключительно в среде кочевников-степняков, которые велись и продолжают вестись определённой частью исследователей.

Признавая безусловно существенную роль кочевых скотоводческих племён и народов в формировании туркмен как этноса, нельзя вместе с тем не признать, что она была далеко не выше роли племён и народов оседло земледельческого или полuosедлого круга. Противопоставление этнических компонентов кочевников-степняков и населения оазисной части Туркменистана не способствует глубокому пониманию сложных процессов этнического развития, приведших к становлению туркмен как народа.

Безоговорочное признание предками туркмен огузов и причисление их к числу классических номадов не так уж безобидно, как это кажется с первого взгляда. Таковое неизбежно ведёт к отрицанию глубочайших традиций культуры туркменского народа.

Получается странный парадокс. Археологи и искусствоведы находят параллели между современной туркменской культурой и культурами, возникшими и развивавшимися на территории Туркменистана несколько тысячелетий назад. Так, сейчас считается доказанным, что туркменский национальный орнамент, в том числе ковровый, возник здесь ещё в неолитическую и энеолитическую древность, что туркменские ковры существуют по крайней мере две тысячи лет. То же самое относится и к туркменскому национальному костюму. Академик АН Узбекистана Г. А. Пугаченкова подробнейшим образом исследовавшая иконографию статуэток Великой Маргианской богини рубежа нашей эры, считает, что костюм на статуэтках и костюм современных туркменских женщин почти идентичны. Богини как правило изображаются в костюме местного покроя, с вшивными, кроенными, типично азиатскими рукавами, с богатыми, нашитыми на платье украшениями. На многих статуэтках встречается орнамент в виде кружков и овалов, а также следы красной краски. Украшения в виде нашивных бляшек, красный цвет бляшек, тигрообразные головные уборы типа современного туркменского «борика» неизбежно наводят на мысль об аналогиях с традиционным туркменским женским костюмом. Эти аналогии усиливаются тем, что на ряде статуэток на груди имеются круглые украшения в виде большой бляшки с шестью рельефными кружочками по овалу. Об одной из таких статуэток с Чичанлық-депе Г. А. Пугаченкова писала: «Лицо этой богини, длинное с резкими чертами... далеко от античных образцов. Оно очень живо напоминает лица пожилых текинских женщин, причём этнографические параллели прослеживаются и в костюме, обязательную принадлежность которого составляет у туркменок тигрообразный «борик» на голове и круглый плоский медальон на груди — «гуляка», вокруг которого нашиты золотые или серебряные бляшки — «чапраз-чанга». Видимо, к началу нашей эры определяется локализация образа приданием ему местных черт как в трактовке лица, так и в изменении костюма».

Говоря о тысячелетних традициях туркменского национального костюма, следует сказать, что в

пользу этого указывает значительный комплекс материалов разных эпох. Так, при раскопках на городищах Старая и Новая Ниса была обнаружена масса небольших бляшек из золота и бронзы, нашивавшихся на женскую и мужскую одежду парфян. Их датировка третий век до нашей эры — третий век нашей эры. При обследовании городища Старый Кишман в Мургабском оазисе в слоях шестого—седьмого веков была обнаружена скульптурка женщины в платье с нашивными круглыми бляшками. Эта традиция не нарушается и в более позднее время и находит подтверждение в средневековом археологическом материале Туркменистана. Нашивные бляшки были встречены при раскопках городища Шехр-Ислам к северу от современного Бахардена. Исследовавший их член-корреспондент АН Туркменистана Еген Атагарриев находит им прямые аналоги в современном женском туркменском костюме.

Поражают совпадения даже формы бороды мужских статуэток с формой бороды современных туркмен. На статуэтке, найденной на городище Гяур-Кала Старого Мерва она обрамляет лишь нижнюю челюсть, щеки и пространство вокруг губ тщательно выбриты или выщипаны, то есть даёт образец типично туркменской формы бороды. Это дало основание Г. А. Пугаченковой говорить о том, что здесь изображение представителя той этнической группы, которая составляла этнический массив Мерва в парфянское и сасанидское время.

Вряд ли кому придёт в голову отрицать, что предки современных туркменских коней, известных в античных источниках под именем нисийских или парфянских, были выведены на территории Туркменистана ещё более двух тысячелетий назад.

Перечень подобных исторических параллелей между культурными явлениями древности и современной туркменской культурой можно продолжать достаточно долго. Они — неопровержимые свидетельства того, что культурные традиции туркменского народа уходят своими корнями в местную почву, что именно здесь — в подгорном Прикопетагье, в степях Прикаспия, в изумрудных оазисах Мургаба и Хорезма они зарождались и развивались.

А поразительный парадокс научного видения и мышления официальной исторической науки заключается в том, что продолжают, как представляется, бесплодные поиски прародины туркмен «на ещё не открытых памирах». Основываясь на точке зрения, что базой формиро-

вания туркмен как народа являлись кочевые скотоводческие племена и генеалогических преданиях, учёные, в том числе и достаточно серьёзные, ищут прародину туркмен в пределах Монголии и Селенги (по Н. А. Аристову), в области между Таласом и Чу (по В. В. Бартольд), в низовьях Сырдарьи (по С. П. Толстову), в бассейне реки Или и озера Иссык-Куль (по Абу-л-Гази) и т. д.

В последние годы появились дилетантские, без какого-либо научного подтверждения, утверждения, что прародину туркмен следует искать в Шумере, Урарту и других регионах мира. Чего, например, стоит авантюрная идея Суллия Яранова об идентификации туркмен и ариев, если он считает, что и Армения на самом деле не Армения, а страна туркмен-ариев. Доказательства? Надо просто убрать в середине слова «Армения» частичку «мен», как лишнюю, и получится чистая «Ария»! Или пассажи Ахмеда Бекмурадова, что Америку задолго викингов Эрика Рыжего и Лайва Эйриксона, Христофора Колумба и Америго Веспуччи открыли... туркмены!

Не думаю, что кто-либо сейчас выступит против научного плюрализма, научных дискуссий. Но они должны вестись на научном уровне!

Представим, хотя на наш взгляд это просто невероятно, что прародина туркмен действительно находилась вне пределов современного Туркменистана. И одновременно с этим представим, от какого историко-культурного наследия мы должны в таком случае добровольно отказаться. Мы должны признать, что туркменские ковры на самом деле не туркменские, что женский костюм и украшения мы отняли у какого-то другого народа, что ахалтекинские кони не имеют никакого отношения ни к Ахалу, ни к текинцам, что они краденные. Наконец, мы должны на весь мир заявить, что и сами мы туркмены — не туркмены вовсе,, что и наш внешний облик тоже не наш!

Общезвестно, что главным вопросом этногенеза является вопрос о том, какая основная масса населения преобладает в составе того или иного народа — местная, автохтонная, или пришлая, мигрировавшая из других стран. Решить этот вопрос на основе генеалогических преданий затруднительно, так как по большей части генеалогии завоевателей со временем становятся базой для генеалогий завоёванных ими этнических групп. Первенствующую роль в решении этого главного вопроса играют данные антропологии и материальной культуры (археологии). Антропологические же данные, как и археологические, со всей

убедительностью показывают, что в составе туркмен явно преобладает местная, автохтонная раса, живущая на территории современного Туркменистана несколько тысячелетий. И потому не надо искать прародину туркмен в Монголии и на Селенге, в бассейнах Или и Чу, на Иссык-Куле, в Месопотамии. Здесь, а не где-нибудь в другом месте священная земля наших предков, тысячи поколений наших предков покоятся в ней, и мы не вправе отказываться от этой земли, от наших предков, наследия тысячелетий.

ТЫСЯЧИ ПОКОЛЕНИЙ ПРЕДКОВ ТУРКМЕН

Сколько ни есть на нашей планете народов, больших и малых, достигших высокого уровня цивилизации и стоящих на примитивных стадиях общественно-экономического и культурного развития, они различаются между собой по расовым или антропологическим типам.

Раса есть совокупность людей, обладающих общностью физического типа, происхождение которого связано с определённой областью. Могут меняться язык, культура того или иного народа, но он остаётся именно этим народом, если не меняется его расовый тип. Может меняться и имя народа, однако расовый тип в основных характеристиках сохраняется. Вот почему антропологические данные играют важнейшую роль при определении тех этнических пластов, из которых сложился данный народ.

Говоря о том, что прародина туркмен располагалась на нынешней территории Туркменистана, в священной земле которого покоится прах тысячи поколений наших предков, мы подразумеваем, что здесь в течение тысячелетий сохранялся единый расовый тип, хотя он и испытывал влияния со стороны других расовых типов.

По своему расовому типу туркмены резко отличаются от всех других народов Средней Азии. Они единственный народ среднеазиатского региона, которому присущ расовый тип длинноголовых европеоидов с незначительной примесью монголоидных черт. Антропологический тип туркмен большинство исследователей сближает с длинноголовым европеоидным типом Средиземья, то есть с индосредиземноморской расой.

Антропологический тип большинства других народов среднеазиатского региона, за исключением горных таджи-

ков, характеризуется короткоголовостью (брахикефалией)¹ со значительной монголоидной примесью. У казахов и киргизов антропологический тип характеризуется смещением европеоидного и монголоидного расовых стволов со значительным преобладанием монголоидных черт. Этот тип получил название южносибирского.

Изучение расового типа туркмен началось ещё в 1895 году И. Л. Яворским, сразу же выделившим туркмен из других народов Средней Азии. За почти столетие антропологических исследований среди туркмен, которые вели А. И. Ярхо, Л. В. Ошанин, В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, В. Я. Зезенкова, Г. Ф. Дебеч, Т. П. Кияткина, М. Г. Левин, Т. Н. Дунаевская, В. П. Алексеев и туркменские антропологи Д. Х. Худайбердыев и О. Бабаков, накоплен значительный материал, позволяющий проследить происхождение и развитие туркменского расового типа и его отдельных вариантов с глубочайшей древности по сегодняшний день.

Как показывает этот материал, расовый тип, сходный с расовым типом современных туркмен, существовал в подгорной полосе Копетдага уже в эпоху неолита, то есть почти восемь тысяч лет назад. Вполне возможно, он был представлен здесь и в более раннее время, но, к сожалению, нет палеоантропологического материала. В этом прототуркменском расовом типе в ряде случаев выделяется примесь определённых черт экваториальной или негроидной расы. Особенно ярко экваториальные особенности выражены на обнаруженном археологами женском черепе из раннеэнеолитического поселения Монджуклыдепе, культурные слои которого датируются пятым тысячелетием до нашей эры. По своим характеристикам эти особенности близки к таковым, выделяемым на черепах того же времени из Западной и Центральной Индии. В смешении с древнесредиземноморским типом экваториальные формы широко встречаются в Моменджо-Даро, Хараппе, других районах Индии. В применении к расовому составу современной Индии этот тип получил название южноиндийского или дравидийского типа.

Нельзя не отметить, что в смешанной форме эквато-

¹ Брахикефалами считаются люди, у которых ширина черепа больше 0,8 длины его. Долихокефалами — люди с формой головы, при которой поперечный диаметр головы не превышает 75 процентов продольного. Выделяются также мезокефалы, занимающие промежуточное положение по форме черепа между брахикефалами и долихокефалами.

риальный тип фиксируется на черепках второго тысячелетия из хорезмийского могильника Кокча-III, относящегося к тазабагыбской археологической культуре, на черепках из знаменитой у археологов пещеры Гар-эль-Камарбанд в Северо-Восточном Иране и других местонахождений.

Черепка эпохи позднего энеолита и бронзы, найденные на раннеземледельческих поселениях Южного Туркменистана — Кара-депе у Артыка, Геоксюр и Хануз-депе в долине Теджена, Алтын-депе у Каахка,— говорят о распространении здесь типа восточно-средиземноморских длинноголовых европеоидов. Точно такой же расовый тип был и у населения Маргианы.

Учёные полагают, что происхождение восточно-средиземноморского типа длинноголовых европеоидов Южного Туркменистана, возможно, связано с древним населением Ирана и Ирака, известном нам по погребениям в Сялке, Тепе-Гисаре, Ал-Убейде, Уре, Кише, с населением Белуджистана, Северо-Западной Индии, Афганистана.

Со второго тысячелетия до нашей эры отмечается проникновение на территорию современного Туркменистана древнего средиземноморского короткоголового (брахикранного) европеоидного типа, который исследователи склонны идентифицировать с древним арменоидным переднеазиатским типом, присущим племенам, очень близким к хурритам, населявшим северо-западную часть Месопотамии и северную Сирию; а также урартам—жителям Закавказья и горным племенам, обитавшим к востоку от реки Тигр. Он сыграл определённую роль в формировании населения Передней Азии и в различных соотношениях инфильтрировался в соседние области, в том числе и в Туркменистан.

Особенно интенсивно средиземноморский брахикранный европеоидный тип стал проникать на территорию Туркменистана после вхождения её большей части в VI веке до нашей эры сначала в империю Ахеменидов, позднее (IV век до нашей эры) в состав державы Александра Македонского.

Известно, что Александр Македонский, после завоевания Средней Азии, основал здесь ряд городов и военных поселений, в которые пересели около четырнадцати тысяч греков. В Туркменистане им были созданы такие крупные города как Александрия Маргианская в Мургабском оазисе и Александрополь, точное месторасположение которого, к сожалению, пока неизвестно. В своей восточной политике великий завоеватель всячески поощрял бра-

ки между своими воинами и греческими переселенцами с прекрасными представительницами завоёванных областей.

Александр Македонский и его преемники Селевкиды привели к тому, что в среднеазиатских городах с конца третьего по середину четвёртого веков до нашей эры большую роль стали играть греческие переселенцы, в особенности выходцы из Сирии. В свою очередь, это неизбежно открывало путь не только к проникновению в местные культуры эллинской, но и в результате большого числа смешанных браков к определённым изменениям в антропологическом составе местного населения.

Проникновение средиземноморского брахикранного европеоидного типа в Туркменистан, несомненно, существовало и в парфянскую эпоху. Парфянское царство в течение почти пяти столетий, с середины четвёртого до последней трети третьего веков до нашей эры, объединило в своём составе огромную территорию от Средней Азии до Месопотамии. В течении пяти веков происходило в рамках единого государства интенсивное контактирование различных по происхождению и расовым типам населения. Преклоняясь перед греческой культурой, а потому называя себя «филэллами», парфянские цари содействовали и переселению в коренные области своего царства греков. Появились в это время и поселенцы иного характера. В течении веков осуществлялось соперничество и военное противостояние между Парфией и Римом. В результате многочисленных парфяно-римских войн появились тысячи пленных, римлян, которых парфянские цари направляли в пределы современного Туркменистана. Так, только после битвы при Каррах (56 год до нашей эры) свыше 10 тысяч пленных римских солдат были поселены в качестве колонистов в Маргиане. Не с этого ли времени появились многочисленные легенды о греческом происхождении отдельных местных племён, устойчивые и поныне?

Одновременно с проникновением в Туркменистан средиземноморского брахикранного европеоидного типа отмечается проникновение сюда и брахикранного европеоидного типа Среднеазиатского Междуречья.

Всё это свидетельствует, что в формировании антропологического облика предков туркмен в различные исторические эпохи активное участие принимали и этнические группы, являвшиеся носителями брахикранного европеоидного расового типа в двух его вариантах — средиземноморского и Среднеазиатского Междуречья. Отсутствие

достаточно большого антропологического материала не позволяет пока судить о соотношении различных расовых типов в составе населения Туркменистана в античное и средневековое время.

Однако вряд ли можно говорить о значительном влиянии брахикранных европеоидных элементов на процесс становления современного расового типа туркмен. Большая часть населения Туркменистана во все исторические эпохи имела всё-таки облик длинноголовых европеоидов, как и сейчас.

В древности, как и в современности, появление в той или иной области представителей других народов и рас не обязательно вело к их смешению с местными народами. Они вполне могут сосуществовать. Со времён первобытного общества известно, что браки между представителями различных племён и народов не поощрялись. Больше того, они прямо или косвенно запрещались. Эти запреты привели к возникновению так называемой эндогамии — обычая заключения браков только внутри племени, сохраняющемуся во многих случаях и по сей день. Поэтому допустить сосуществование изолированных эндогамных этнических групп на одной территории не только можно, но надо всегда иметь ввиду при рассмотрении состава населения той или иной области.

В своё время в результате раскопок средневековых могильников Красноводского полуострова и окрестностей Ашхабада, в которых принял участие и автор настоящих строк, был получен достаточно большой антропологический материал. Точная этническая принадлежность людей, захороненных в этих могильниках, не установлена. Люди, захороненные в могильнике Ак-депе под Ашхабадом, скорее всего происходили из какого-то ираноязычного племени. Все они имели брахикранный облик. Исследовавшие их Н. Г. Залкинд и С. П. Поляков сделали далеко идущий вывод, что население, оставившее этот могильник, вошло в состав туркмен, а потому можно говорить, что в формировании облика современных туркмен определённую роль сыграли этнические группы типа Ак-депе.

Академик В. П. Алексеев, позднее изучавший этот материал, пришёл, однако, к другому выводу — этническая группа, жившая в районе Ак-депе под Ашхабадом, не имела непосредственного отношения к этнической истории туркмен. Такой же вывод он сделал и после рассмотрения материалов из могильников Красноводского полу-

острова. Здесь мы имеем не смешение, а именно сосуществование эндогамно изолированных групп.

Сосуществование эндогамных племён в Туркменистане продолжается практически и в настоящее время. Ещё совсем недавно официальная этнографическая и социологическая науки отрицали наличие у туркмен племенных различий, которые, якобы, были ликвидированы в ходе социалистической «консолидации» туркменского народа. Если и говорилось о какой-либо этнографической группе, то её стыдливо называли «бывшим племенем». Но одним из основных признаков племени является наличие в нём эндогамности. А таковая у туркменских племён сохранялась и сохраняется очень устойчиво.

Ни в этнографии, ни в социологии Туркменистана пока не вводились в научное обращение данные медико-генетических исследований среди различных туркменских племён, это было сделано нами в конце восьмидесятых годов. Так вот, медико-генетические исследования середины восьмидесятых годов чётко фиксируют генетическую дифференциацию туркменских племенных подразделений, которая является прямым следствием их эндогамной изолированности.

Медико-генетические исследования показали, что обмен браками внутри племени реализуется от 96, 47 процентов у чарджоуских туркмен до 100 процентов, у карадашлы и емрели Ленинского и Ильялинского районов Ташаузской области. В свете этих данных каждое туркменское племя можно рассматривать как отдельную субпопуляцию по отношению к нации в целом, т. к. все туркменские племена по генным частотам систем АВО и Нр отличаются друг от друга.

Вместе с тем, будучи генетически изолированы друг от друга, туркменские племена остаются лишь частями единого целого. Генетические расстояния между ними невелики.

Медико-генетические данные подтверждают мнение антропологов, что туркмены сохранили свой расовый тип в течении многих столетий именно через механизм эндогамности, без которого они давно бы растворились в иноэтнических массивах. Территория Туркменистана издревле была областью, где скрещивались культуры и судьбы различных народов и рас. Достаточно сказать, что основной участок Великого шёлкового пути приходился именно на его территорию. Менялись языки и религии, государственные границы и династии, а расовый состав коренного

населения оставался неизменным. Если мы сейчас и говорим о влиянии на туркменский расовый тип других расовых типов, то исключительно как о налёте, который не мог повлечь за собой какие-либо радикальные изменения.

В связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о характере туркменской длинноголовости. Дискуссии по этому вопросу ведутся уже достаточно долго. Вопрос ставится так: является ли длинноголовость у туркмен генетической или возникла под влиянием искусственной деформации черепа?

Обычай искусственной деформации черепа у населения Туркменистана — затылочн-теменная и кольцевая (циркулярная) — отмечается примерно с пятого века до нашего времени и сохранялся ещё в отдельных районах два—три десятилетия назад. Искусственная деформация черепа достигалась путём наложения на голову с раннего детства специальной повязки или узкой шапочки, под влиянием чего черепная коробка изменяла свою естественную форму.

Бытование этого обычая дало основание отдельным исследователям утверждать, что длинноголовость у туркмен искусственная. Сторонники искусственного характера туркменской длинноголовости исходят из материалов, полученных при обследовании детей в первые годы жизни. Однако, выводы, сделанные ими малоубедительны, поскольку не принимались во внимание нормальные возрастные изменения формы головы.

Изучение черепов, полученных в ходе археологических раскопок, и современного населения, проводившиеся в разные годы А. И. Ярхо, Л. В. Ошаниным, К. Н. Наджимовым, В. Я. Зезенковой, В. В. Гинцбург, Т. А. Трофимовой, В. П. Алексеевым, Д. Х. Худайбердыевым, О. Бабаковым и др., напротив, позволяют говорить, что туркменская длинноголовость возникла не под влиянием искусственной деформации черепной коробки, а является стойким расовым признаком. Отсюда очень важный вывод — исходным типом населения Туркменистана с древнейших времён является средиземноморский европеоидный длинноголовый тип.

Территория Туркменистана являлась частью обширного ареала средиземноморских длинноголовых европеоидов, простирающегося от северной Индии до Средиземноморья. Длинноголовый европеоидный тип, свойственный туркменам, представляет собой лишь один из локальных

вариантов этой расы, названный по предложению Л. В. Ошанина «закаспийской» или «каспийской» расой.

До недавнего времени считалось, что «закаспийская» раса присуща только туркменам. В 70-е годы академик В. П. Алексеев на основе анализа антропологии туркмен, горных таджиков и припамирских народностей в своей работе «Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки» пришёл к выводу, что по ширине лица (узкое и высокое) они имеют очень близкое родство. Горных таджиков и припамирские народности он включает в состав «каспийской» («закаспийской») расы и говорит, что они гораздо ближе к туркменам, нежели к равнинным таджикам и узбекам — представителям памир-ферганской брахикранной расы.

Нельзя не отметить, что горные таджики и припамирские народности имеют определённые черты сходства с туркменами и в области материальной и духовной культуры, однако специальных исследований в этом направлении, к сожалению, пока не проводилось. Поэтому по поводу близости к туркменам горных таджиков и припамирских народностей, происхождении этой близости сказать что-либо определённое не представляется возможным.

Что же касается вопроса о происхождении обычая искусственной деформации у туркмен, то он также нуждается в специальном целенаправленном рассмотрении. Не выяснено, в частности, восходит ли этот обычай к кочевникам античной эпохи—гуннам на востоке Средней Азии или сарматам на западе, или идёт от эпохи бронзового века, когда он отмечался в Поволжье и на Северном Кавказе. По мнению антропологов, специальное изучение проблемы искусственной деформации черепа у древнего и современного населения Туркменистана поможет решению вопросов не только происхождения народа, но и общих проблем расогенеза.

Известную роль в формировании антропологического состава современных туркмен сыграли и монголоидные короткоголовые (брахикефальные) элементы. Как считают учёные, «обнаружение в составе туркмен монголоидной примеси не имеет большого этногенетического значения, так как монголоидная примесь прослеживается в составе всех народов Средней Азии».

Основное здесь не само наличие монголоидной примеси, а установление её удельного веса и в зависимости от него оценка той роли, которую сыграл тот или иной компонент в формировании того или иного народа. У турк-

мен монголоидная примесь во много раз ниже, чем у других народов среднеазиатского региона.

Проникновение монголоидной примеси в антропологический состав туркмен не являлось единовременным действием, а проходило, видимо, несколькими волнами. По поводу появления в составе туркмен монголоидной примеси в науке сложились две точки зрения.

Согласно первой из них, появление монголоидного компонента следует возводить к эпохе средневековья, когда происходил и интенсивный процесс тюркизации населения Туркменистана, до того говорившего на языках восточноиранской группы.

Вторую точку зрения выдвинул Г. Ф. Дебец, указавший на два варианта монголоидной расы, принявших участие в формировании антропологического типа туркмен: длинноголовый, проникновение которого датируется первыми веками нашей эры, и брахикранный, появившийся в эпоху раннего средневековья.

Ранний пласт, характеризующийся от более позднего прежде всего длинноголовостью или по крайней мере мезокефалией, по мнению учёного, может быть возведён к эпохе гуннского нашествия или вообще к древнейшему существованию протоморфного монголоидного ствола с неполностью дифференцированным комплексом признаков.

Накопленный за последние годы антропологический материал даёт основание полагать, что первое появление монголоидного влияния на территории Туркменистана относится даже к более раннему времени, чем гуннское, но именно в гуннское время его удельный вес повышается. В связи с этим гипотеза о некотором гуннском влиянии на формирование антропологического типа туркмен, как впрочем и других народов среднеазиатского региона, имеет под собой основания. Больше того, академик В. П. Алексеев находит возможным полагать, что последнее сыграло даже более значительную роль, чем процесс смешения европеоидных и монголоидных типов в эпоху средневековья, который имел наибольшее значение в сложении антропологического типа других тюркоязычных народов.

Второй, более поздний монголоидный пласт, характеризующийся чертами центральноазиатского типа, начинает проникать в прототуркменскую среду с раннего средневековья и связан с проникновением на территорию Туркменистана различных тюркоязычных племён.

Влияние центральноазиатского типа на антропологический состав туркменского народа продолжалось и в эпоху развитого и позднего средневековья. В XIII веке проникновение монголоидных примесей усилилось вследствие татаро-монгольского нашествия.

Исследования последних лет в Западном Туркменистане, проведенные по материалам погребений, приписываемым непосредственно туркменам, обнаружили брахикранные расовые типы часто с монголоидной примесью. Предположительно эти погребения принадлежат представителям тюркоязычных племён Дешт-и-Кипчака, вошедшим в состав туркменского населения.

Наконец нам известна и группа нуратинских туркмен, которые, действительно характеризуются брахикранным антропологическим типом. Для понимания его происхождения важно учитывать, что предки нуратинских туркмен в X—XI веках расселялись по среднему течению Сырдарьи, в районе Каратау, Туркестана, а затем, будучи втянуты в водоворот миграций, переселились частью в Нуратинские горы, частью в другие районы Среднеазиатского Междуречья.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на многовековой процесс проникновения элементов монголоидности в антропологический состав туркмен, монголоидная примесь в облике туркмен очень незначительна. Преобладающим, базисным являлся тысячелетия назад и остаётся таковым по сей день расовым типом туркмен и тысячи поколений их предков длинноголовый европеоидный средиземноморский тип.

КАК ЗОВУТ ВАС, ПРЕДКИ ТУРКМЕН?

Теперь мы знаем, каким был внешний облик предков туркменского народа. В основе этого облика лежала раса длинноголовых европеоидов средиземноморского типа. Нам стало известно и то, что в процессе формирования туркмен как народа, безусловно, приняли участие и другие этнические группы, имевшие разнородный антропологический облик. Можно выделить, по крайней мере, четыре крупных расовых типа, которые в разные исторические эпохи вносили свои примеси в основу туркменского расового типа: европеоидный средиземноморский тип в двух вариантах — брахикранный переднеазиатский (арменоидный) и брахикранный тип Среднеазиатского Междуречья; экваториальный (дравидоидный); долихокефальный монголоидный и, наконец, брахикранный монголоидный (**центральноазиатский**).

Уже само по себе это свидетельствует о сложных воздействиях на базисный этногенетический пласт, который может быть условно назван прототуркменским, различных племён и народов, как местного происхождения, так и пришедших из сопредельных и более отдалённых регионов Ближнего и Среднего Востока, Средней, Южной и Центральной Азии.

Естественно поэтому сказать определённо, что туркменский народ вырос из такого-то или такого-то более древнего народа невозможно. Предки туркмен носили различные имена.

Наиболее ранние упоминания о народах Средней Азии относятся к VII—VI векам до нашей эры, времени расцвета и упадка Ассирийского царства, а также возвышения Персии. Мифологически-литературная традиция, отражённая у Ктесия и дошедшая до нас через Диодора, повествует о легендарном походе ассирийского царя Нина в Среднюю Азию. По преданию и знаменитая царица Семирамида, создательница одного из семи чудес света —

висячих садов, носивших её имя, правившая ассирийской державой с 810 года до нашей эры бывала в Средней Азии. Некоторые учёные отрицают возможность установления господства Ассирии в Средней Азии, считая, что ассирийское влияние не распространялось далее областей Западного Ирана. Но мифологический сюжет у Ктесия, по мнению академика Б. Гафурова, иллюстрирует другое — притягательную силу среднеазиатских областей для завоевателей и сложность покорения их из-за воинственности населения.

Подлинно исторические сведения о народах Средней Азии восходят к VI веку до нашей эры, когда персидский царь Кир Старший после завоевания Мидийского царства двинулся вглубь континента покорять среднеазиатские народы.

Древнейшими жителями на территории современного Туркменистана, судя по историческим источникам, являлись различные народы и племена индоевропейского круга. Это подтверждается, как мы видели, и антропологическими данными. Член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов выдвинул в своё время гипотезу, что здесь сталкивались три обширных области древних индоевропейских племён: **индоиранских**, основной центр формирования которых, по всем признакам, лежал на восточных окраинах Иранского нагорья, на территории нынешнего Западного Афганистана, охватывая главным образом верхнее течение Амударьи; **фрако-киммерийских**, занимавших Приаралье и Закаспийские степи и далее на западе доходивших до бассейна Дуная; **сакских или скифских**, занимавших восточные степные и предгорные окраины Средней Азии, постепенно инфильтруясь во фрако-киммерийскую среду.

Народы и племена нынешнего Туркменистана, видимо, имели достаточно тесные этногенетические связи с населением Передней Азии — шумерами, хурритами, хеттами. Родственные связи с ними прослеживаются поныне в языке, элементах материальной и духовной культуры.

Учёные уже давно обратили внимание на то, что создатели шумерийской цивилизации Нижнего Двуречья сохранили в своём языке признаки отдалённых восточных связей. И в лексике, и в морфологии шумерский язык обнаруживает явные черты сходства с языками алтайской групп, в частности с тюркскими языками (Ср.: шумерское «дингер» — бог и тюркское — «тегри» — бог; шумерское «Аи» — лунное божество и тюркское «ай» — луна,

месяц; шумерское «даг» — камень и тюркское «даг», «даш» — гора, камень и т. д.). Казахский писатель Олжас Сулейменов в своей нашумевшей книге «Азия» собрал целую сводку таких лингвистических совпадений.

Аналогичные параллели прослеживаются и в области материальной культуры. Античная одежда Южного и Северного Туркменистана, представленная на статуэтках из Хорезма, Парфии, Маргианы, обнаруживает немало общих черт с одеждой малоазиатских племён; известной по хеттским и древнеперсидским рельефам и памятникам греческого искусства, начиная с «фригийской шапочки» и высоких сапог, столь характерной особенности хеттской мужской одежды, и кончая всем комплексом женской одежды. Тот же С. П. Толстов подметил, что одежда женщин наиболее прямых потомков дахо-массагетских племён Восточного Прикаспия — туркмен-текинцев доньше сохраняет облик поразительно близкий к одежде хеттских царей и богинь на древних рельефах. Это не феномен, если вспомнить, что корни туркменского национального костюма уходят в двухтысячелетнюю древность, когда и были контакты между населением Закаспия и жителями переднеазиатского региона.

Академик В. В. Струве в отдельных мохенджодарских надписях пытался видеть памятник хурритских племён. А как известно, культуры Мохенджодаро и Хараппа Индии тесно связаны с культурами раннеземледельческих цивилизаций Туркменистана.

С. П. Толстов обращает внимание на совпадение устанавливаемой археологически даты появления в Хорезме новых этнических элементов, видимо, продвинувшихся с восточных окраин Иранского нагорья, вниз по Мургабу или Амударье, с датой начала хорезмийского летоисчисления, которую указывает в своих «Памятниках минувших поколений» великий хорезмийский учёный-энциклопедист Абурейхан Бируни. По мнению С. П. Толстова в этих новых этнических элементах следует видеть хурритские племена. Наконец, он связывает Сиявуша (Сиявахша) — мифологического предка древней династии хорезмийских царей с образом франко-фригийского бога-всадника Сабазия (фригийский Саобаз).

По этому поводу С. П. Толстов писал: «Всего этого, конечно, недостаточно для сколько-нибудь твёрдых исторических выводов. Это только намёки, сигналы, привлекающие внимание исследователей к нерешённым и, пожалуй, пока неразрешимым вплоть до накопления новых ар-

хеологических данных, вопросам этногонии народов западной Евразии. Можно сказать только одно: связи народов Средней Азии с переднеазиатским этнографическим миром уходят в глубокую, доиндоевропейскую древность, и без учёта роли среднеазиатских племён вряд ли может быть до конца решён вопрос о происхождении яфетических народов древней Передней Азии и созданных ими государств.

В первом тысячелетии до нашей эры нынешний Туркменистан был заселён многочисленными народностями и племенами, близкими друг к другу по своему происхождению, языку, материальной и духовной культуре. В подгорной полосе Копетдага, в низовьях Мургаба и Амударьи древнеперсидские источники размещают гирканцев, парфян, маргианцев, хорезмийцев и др. Каждый из них представлял собой конфедерацию родственных общезычных племён, проживавших в границах своих территорий.

На территории Туркменистана этого времени отмечалось высокое развитие культуры, здесь интенсивно протекал процесс формирования и развития классовых отношений и государственности. Основу хозяйственной деятельности населения составляло поливное земледелие. Это фиксируется археологически, на это постоянно указывали античные авторы. Археологическими раскопками прослеживаются разветвлённые оросительные системы в Геоксюрском, Дашлинском оазисах, в Дехистане, Маргиане, Хорезме, Присарыкамышье, в других районах.

Степные просторы тогдашнего Туркменистана были заняты кочевыми и полукочевыми племенами, имевшими комплексный земледельческо-скотоводческий хозяйственно-культурный тип. Они были родственны населению оазисов. В целом эти племена в литературе принято называть сако-массагетскими племенами.

Однако исследования археологических культур степных племён Закаспия, где античные авторы размещали массагетов, показывают их существенное отличие от сакских культур. В связи с этим отдельные исследователи, например, туркменский учёный Хемра Юсупов, предлагают отказаться от употребления в науке понятий сако-массагетские племена и сако-массагетская культура.

Прикаспийские равнины, по словам Страбона, занимали «скифские кочевые племена», причём «большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями (дахами). Они образовали конфедерацию племён, в которую входили апарны или парны, проживавшие ближе

остальных к морю и Гиркании, ксандии и писсуры, обитавшие восточнее Апарнов на территории современных Ахальского и Атекского оазисов вплоть до «страны лежащей против Арии», то есть вплоть до Теджен-Рерирудского оазиса.

В связи с «сенсационными» открытиями и ажиотажем вокруг арийского происхождения туркмен несколько слов об ариях и стране Ария. Арии — индоевропейские племена Евразийских степей, которые во втором тысячелетии до нашей эры вместе с другими скотоводческими племенами вторглись в пределы Средней Азии, Афганистана и Северной Индии.

Ария располагалась в бассейне Теджена — Герируда с центром в северном Герате. Страна Ария была лишь одной из многих других, располагавшихся в пределах нынешнего Туркменистана — Гиркании, Дарфии, Маргианы, Бактрии и других. Если и можно говорить об арийцах, как этносе, внесшим вклад в формирование туркмен, то только как об одном, не самом главном, среди других этносов, которые могут быть отнесены к кругу предков туркмен — массагеттов, дахов, парфян, маргианцев, хорасмиев, аланов, асов и многих других. Как отмечает археолог Хемра Юсупов, — «современные туркмены не отказываются ни от одного из своих исторических корней. Кочевые тюркские скотоводы, ираноязычные скотоводы и земледельцы, огузы и сельджуки — далеко не полный перечень слагаемых, из которых в ходе исторической «переплавки» возник туркменский народ».

Прямое отождествление ариев с туркменами в связи с этим неправомерно, как и не правомочны утверждения, что «страна туркмен называлась Арией, а само слово «Туркмения» появилось только после XVI века».

Как видно из вышеизложенного, народы и племена Туркменистана в те отдалённые времена вели как оседло земледельческое, так и кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевые племена были теснейшим образом связаны с племенами, ведшими земледельческое хозяйство. Взаимодействие кочевых племён и оседлых земледельцев являлось одной из важнейших особенностей развития Туркменистана и имело огромное значение.

Во-первых, большинство кочевых племён были этнически близки к земледельческим, а потому были близки и их культуры.

Во-вторых, кочевой и оседлоземледельческий миры были взаимосвязаны в экономическом отношении. Пот-

ребность кочевников в продукции высоко развитого ремесла и земледелия оседлых районов и соответственно потребность жителей оазисов в продукции животноводства делали эти связи постоянно действующими факторами в жизни региона в целом. Многие современные учёные говорят, и вполне обоснованно, о существовании единой экономической системы, в которой оба сектора (кочевой скотоводческий и земледельческий) не могли нормально функционировать без постоянного взаимодействия. Нарушение этого единства в случае внешних завоеваний и других подобных обстоятельств приводило к тяжелейшим последствиям и для кочевников и для жителей оазисов.

Мы имеем немало письменных и археологических свидетельств того, что древние народы и племена Туркменистана имели деление на кочевые скотоводческие и оседло-земледельческие части. Это касается, в частности, дахов. Исследование культур архаического Дахистана показывает наличие здесь в глубокой древности развитой ирригационной сети, городской жизни, высокого уровня ремесленного производства. Существенная часть дахов занималась и кочевым скотоводством.

В-третьих, как справедливо подметил известный исследователь Парфий Г. А. Кошеленко, надо постоянно иметь в виду и политические взаимодействия этих двух миров. Иногда кочевые племена выступали как своего рода политическая «периферия» государственных образований, являясь полуассальными союзниками больших государственных образований, связанных с ними определёнными обязательствами (военной помощи). История знает немало случаев, когда кочевники завоёвывали земледельческие области и их вожди становились создателями правящих династий. Примером тому может служить Парфия, где кочевники-парны дали династию Аршакидов, которой было суждено создать одну из мировых империй античного мира. Аналогичные явления мы наблюдаем и в средневековье.

В четвёртых, чрезвычайно крепки были культурные взаимовлияния скотоводческих и земледельческих миров. Кочевнические завоевания, как правило, влекли за собой многообразные последствия: они влекли модификацию социальной структуры общества, укрепляли связи между кочевой степью и земледельческими зонами, поскольку в процессе завоеваний значительная часть кочевников оседала на землю отмечалось сильное влияние кочевников на верхушку земледельческих обществ, а через них и на всё

население. Не случайно поэтому, как уже неоднократно отмечалось выше, генеалогии кочевников становились основой генеалогий ими завоёванных оседлых групп населения.

Всё это вместе взятое позволяет говорить не только об экономических, политических и культурных взаимодействиях кочевого и земледельческого миров, но и об известном их этногенетическом единстве.

В связи с этим поиски предков туркмен исключительно в кочевнической среде (в среде дахов, массагеттов и т. д.) изначально неоправданны. Нельзя при этом не учитывать и того обстоятельства, что данные антропологии говорят о типично туркменском расовом типе с присущей ему длинноголовостью прежде всего у населения земледельческих оазисов.

Что же касается кочевой части, то в ней отмечались в разные эпохи брахикранные примеси. Можно выдвинуть предложение, что именно среди кочевой части, которая наиболее активно включала в себя иноэтнические элементы, и возник обычай искусственной деформации черепа. Небезинтересно в этой связи объяснение по поводу гипердолохоцефалии у сарматов, даваемое Гиппократом. Искусственное удлинение черепа у сарматов практиковалось, — по словам Гиппократа, — потому что «они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы».

Нельзя не обратить внимания на «племенную географию» устойчивости обычая деформации черепа у туркмен. Из материалов Л. В. Ошанина, М. Г. Левина и других исследователей видно, что он был наиболее распространён у текинцев, «редуцировался» до степени «этнографического рудимента» у иомудов, наконец, практически не отмечался среди гёкленов. Характерно, что у текинцев и иомудов сильны кочевнические традиции, в то же время как гёклены признаются этнографами исконными земледельцами. При всём при том все туркменские группы одинаково долохоцефальны.

Л. В. Ошанин приводит этнографические сведения о причинах, побуждавших к искусственной деформации черепа. По словам его информаторов, туркмены считали, что чем длиннее голова, тем «чище» туркмен, тем яснее его принадлежность «по крови» к туркменскому народу.

Имеются сведения и иного характера, в частности об искусственной деформации для «укорачивания» черепа, то есть достижения брахикефалии. По словам средневеко-

вых историков и географов Макаддаси, Якута, хорезмийцы эпохи Саманидов (X век) стали «привязывать по обеим сторонам головы новорожденных мешки с песком, чтобы черепа их сделались шире». Мукаддаси объясняет возникновение этого обычая стремлением хорезмийцев отличаться от соседствующих с ними кочевников, имевших характерную длинноголовость, и в связи с процессом смешения с ними.

Медико-генетические исследования выявляют закономерность: среди кочевников гораздо больший процент смешанных браков, эндогамность в племени соблюдается не так строго. С переходом же их к оседлости число межплеменных браков резко снижается, поскольку происходит территориальное закрепление племён.

Генетическая изоляция оседлоземледельческих племён из-за отсутствия или минимального межплеменного обмена браками, более устойчива. Не случайно, медиками у ряда туркменских племён отмечаются значительные последствия инбридинга-кровесмешения. Удовлетворительное объяснение случаев накопления редкой наследственной патологии в отдельных туркменских племенах и племенных подразделениях генетики видят в проявлении дрейфа генов. По мнению туркменского медиго-генетика Ш. М. Тураевой, «генетический дрейф обусловлен подразделением популяции туркмен на два иерархических уровня (нация — отдельные племена) и высокой степенью изолированности туркмен.

Низкий уровень межплеменного брачного обмена нами уже оговаривался. Что касается генетической изолированности туркмен в целом, то это можно видеть по тому, что генетические исследования выявляют существенно более высокую частоту I и II групп крови. Ничего похожего нет у соседних с туркменами узбеков.

Из соседних народов столь высокая частота I группы крови, характерная для европейцев, встречается лишь у иранцев, однако III группа крови у них ведёт себя аналогично другим европейским народам, тогда как у туркменских племён, например, у похурли, впервые было встречено такое необычное сочетание — большая частота I и III групп крови.

В свете этих исследований вряд ли можно видеть в искусственной деформации черепа явление, возникшее среди местного и без того длинноголового населения. Его происхождение, как нам представляется, связано с появлением в Туркменистане иноэтнических элементов, стре-

мившихся к ассимиляции с господствующим населением, подчёркивая лояльность к нему сознательным изменением расовых признаков. Обычай подчёркивать ту или иную расовую черту был широко распространён у многих народов мира, на что в своё время обратил Чарлз Дарвин в своём труде «Происхождение человека и половой отбор».

Таким образом, можно с полным основанием говорить, что основной, наиболее ранний этнический пласт туркменского народа составили древние ираноязычные обитатели нынешнего Туркменистана, создатели раннеземледельческих цивилизаций Прикопетдагской равнины и жители закаспийских степей, известные по письменным источникам под именем дахов и массагетов.

Однако вряд ли можно при этом искать в древних обитателях оазисной и степной частей прямых предков определённых туркменских племён современности. Отдельные исследователи, например, А. А. Росляков, находят возможным говорить, что «советские учёные выявили прямую связь между парфянами и туркменским племенем мурчали», что «дахи были предками теке, а сарматы (подразумевались массагеты.—М. Д.) — предками ёмудов». Для столь далеко идущих выводов необходимы более глубокие исследования, чем те, результатами которых мы в настоящее время располагаем.

Несомненно, выдающаяся роль в сложении туркменского народа принадлежит парфянам, в состав которых вошли различные близкородственные племена как оседлоземледельческой полосы Прикопетдагья, так и степной полосы. Став после образования Парфянской державы в 246 году до нашей эры почти на пять столетий этнически и политически главенствующей народностью, включив в свой состав многие племена и народности, в том числе и кочевников к северу от Копет-Дага, которых Плиний называл «потусторонними парфянами», они, безусловно, способствовали консолидации в единое целое всё этническое разнообразие края.

Парфянский пласт довольно чётко отразился в топонимике Туркменистана. Часть Копетдагского хребта, носившая в эпоху античности название Партау, получила в средневековье наименование Парау или Ферава в арабской транскрипции и спроецировалось в названии мавзолея Парау-биби в Кизыл-Арватском районе. Первоначальное же значение — Партау — горы парнов-парфян — утрачено.

Парфянский пласт чётко прослеживается и в элементах материальной и духовной культуры туркмен. Мы уже говорили о наличии значительных черт сходства женского костюма парфян и туркмен. Изучение туркменской народной архитектуры, предпринятое учёными в пятидесятые годы, позволили обнаружить в ней элементы парфянского зодчества. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова в своей книге «Архитектура туркменского народного жилища» отмечают: «В позднетуркменской народной архитектуре запечатлены многие элементы стародавней местной строительной традиции, истоки которой прослеживаются в феодальном и даже античном зодчестве Южного Туркменистана. Так, далёким прообразом оригинальных волютообразных капителей мурчинских колонн являются, быть может, «праионические» капители парфянской Нисы, а стреловидные прорезы на декоративных зубцах эрсаринских усадеб, возможно, восходят к стреловидным бойницам парфянских крепостей Парфиены и Маргианы (Гяур-кала, Дурнали, Чильбурдж, Ниса и др.)».

Нельзя также не вспомнить, что туркменское конезаводство восходит своими глубинными корнями также в парфянскую древность. То же самое, видимо, следует говорить и о туркменском ковроделии.

В этой связи представляют интерес выводы, сделанные в своё время член-корреспондентом АН СССР А. Ю. Якубовским на основе исследования всего комплекса материалов об отношении современных туркмен к парфянам:

«Но может возникнуть вопрос, а какое же отношение имеют современные туркмены к богатой культуре племён и народов, которые в прошлом жили на территории древней Парфии, или позднее, в раннем средневековье в... городах Мерве, Серахсе, Нисе и других? Ведь в них население говорило не по-тюркски, а на одном из восточно-иранских языков... Несмотря на это языковое различие, мы всё же можем с полным правом сказать, что туркмены имеют к ним прямое отношение наследников к своему наследию, и не только потому, что занимают территорию, на которой когда-то в древности жили творцы этой культуры. Дело в том, что и сами эти люди, говорившие на одном из восточно-иранских языков, и современные туркмены в своём отдалённом прошлом имеют общие друг другу этнические элементы. С точки зрения этногенеза и тех и других, массагеты, дахи, аланы в качестве компонентов входят в состав оседлых народов, живущих в вос-

точных районах Храсана, так и в состав туркменского народа».

Углублённое исследование вопросов историко-культурного наследия парфян в традиционной туркменской культуре пока ещё не проводилось. Но можно с уверенностью сказать, что оно откроет многие аспекты парфяно-туркменских исторических параллелей.

На рубеже нашей эры на территории Северного Туркменистана и сопредельных областей важную роль стали играть аланы, которые через Гирканию вторгаются в Мидию и Армению, угрожая пределам Римской империи. Античные авторы называют алан массагетами. В Туркменистане, как в более раннее время дахи, они возглавили конфедерацию близкородственных племён. А на территории Восточной Европы под их эгидой было создано сарматское объединение.

Сарматы принадлежали к индоевропейской языковой семье, причём наиболее близкими к ним продолжателями этой языковой традиции являются осетины, что в настоящее время считается доказанным. Среди сарматов древние авторы различали много племён, обозначения которых в исторических источниках в разное время появлялись и исчезали, заменяясь другими. Среди них выделялись — аланы, роксаланы, аорсы, языги и другие. На рубеже нашей эры среди них возвышаются аланы. Впоследствии их языковые потомки носили название асы или ясы (в русских летописях) — современные осетины.

Роль аланов в формировании туркменского народа, как это сейчас признаётся большинством учёных, исключительно велика. Язык населения Северного Туркменистана, относившийся к северно-иранской ветви и известный под названием хорезмийского вплоть до XIII-XIV вв., обнаруживает поразительную близость к осетинскому, входя вместе с ним и согдийским в северно-иранскую группу индоевропейских языков, сложившихся на основе скрещивания древних массагетских и скифских языков. По заключению лингвистов, хорезмийский язык гораздо ближе к осетинскому, чем к согдийскому.

Близость осетин и древнего населения Северного Туркменистана проявляется и ономастическом совпадении между осетинским нартовским эпосом и династической историей Хорезма. Исследованиями С. П. Толстова установлена связь между хорезмийским царём Арсамухом (конец II — начало III вв.) и одним из героев осетинского нартовского эпоса Урузмагом.

Об участии алан в процессе формирования туркмен говорят и данные туркменской этнонимии. В туркменской этнонимии сохранились такие родоплеменные названия как *языр* (карадашлы), *олам* (алан) — небольшое племя на Амударье и родовое подразделение у ходжамбасских салыров, *аса* (ас) — родовое подразделение в составе игдыров и другие, которые учёными связывают с аланами-асами.

Б. Х. Кармышевой среди туркмен Сурхандарьинской области Узбекистана зафиксировано племенное подразделение *яс*. Оно входило в отделение *джилянтамгагалы* племени туркман-джус, считавшиеся одним из узбекских (?) племён. Оно занимало центральную часть правобережья Сурхана, так называемую Туркменскую степь — Туркмандашт.

Воспоминания об аланах-асах древности сохраняются частично и в названиях местностей Туркменистана. Не будет слишком большой смелостью связывать с аланами-асами название аула Ясмансалык Ашхабадского района, вершины Большого Балкана Арлан и т. д. Наконец, имя Алан довольно распространено среди современных туркмен.

Особо хотелось бы остановиться на сохранении элементов аланского языка в некоторых туркменских диалектах. Так, оламский диалект туркменского языка, по исследованиям К. Бадыева, отличается от других диалектов и говоров туркменского языка прежде всего тем, что в его лексике значительную часть составляют слова персидского происхождения. Исследователь относит происхождение этой лексики к северно-иранской группе, то есть той самой, на которой говорили древние аланы. Г. И. Карпов к числу племён, образовавшихся вокруг аланского ядра относил и этническую группу мукры, проживающую в настоящее время в Чарджоуской области.

Г. П. Васильева в своё время обратила внимание на близость современных туркменских нагрудных и наплечных круглых серебряных украшений гуляка и бозбент аналогичным золотым и бронзовым украшениям из могильников VI—VIII веков Северной Осетии, принадлежавших аланам, и сходство так называемых подвесок ингушей XV—XVI веков из могильников горной Ингушетии, в этногенезе которых аланы приняли участие, с серьями гулак-халка западных и северных иомудов. Как считает Г. П. Васильева, аналогии в материальной культуре и ряд общих других элементов (наземные захоронения, широко

распространённые в Хорезме и у осетин ещё в XIX веке, значительные пережитки матриархата, отражённые в эпосе и т. д.) подкрепляют мнение об этнической связи кавказских алан с туркменами.

Несомненно значительную роль в процессе формирования туркменского народа сыграли эфталиты или хиониты, имя которых появилось на этнической карте Средней Азии в IV веке. К этому времени относится образование госуадрства хионитов, в состав которого вошла значительная часть территории нынешнего Туркменистана от Каспийского моря до Амударьи, области за Амударьёй и территория Северного Афганистана.

Судя по письменным источникам, именем эфталитов называлась правящая династия в государстве хионитов. На некоторых эфталитских монетах рядом с именем царей (Эфталан, Ахун и др.) стоит и название народа в форме «хион». По мнению учёных, в состав эфталитов вошло большое число народов и племён, как близкородственных, так и различных по своему языку и происхождению. В римских и византийских источниках они именуются белыми гуннами, хионитами, кидаритами и эфталитами, в армянских — хептал или тетал, в китайских летописях — неда или идань, арабских — хайтал.

По предположению С. П. Толстова, имя эфталитов, возможно, представляет собой искажённое тюрками наименование массагетов — «Гвета-аали» — «народ Гвета». По его мнению, в них можно видеть оставшихся на своей исторической родине массагетов. А таковой исторической прародиной их учёный считает северо-восточные районы Хорезма. Он полагал, что памятниками эфталитской культуры могут быть признаны так называемые «болотные городища» Приаралья, где происходило формирование эфталитской народности из местных, алаано-массагетских, и пришлых, гуннских, элементов.

Если гипотеза С. П. Толстова, несмотря на её отдельные слабые стороны, может быть признана как один из возможных вариантов пути рассмотрения эфталитской проблемы, то этого не скажешь о мнении А. А. Рослякова, что «эфталитов создали гунны, смешавшись с массагетами».

Как представляется нам, основу эфталитского народа составили местные племена. Об этом почти прямо говорит автор VI века Прокопий Кесарийский: «Унны-эфталиты... не смешаны с известными нам уннами, не живут вместе с ними и не имеют смежной с ними области...

Они не кочевники, подобно другим уннским племенам, но издревле населяют плодородную страну». (Выделено нами.— М. Д.).

Источники отмечают близость эфталитов к геланам, с которыми они в 358 году заключили союзный договор. Об этом сообщает в частности римский историк Аммиан Марцелин, указывая при этом, что эти племена «отличались наибольшей воинственностью».

Учёные предпринимали несколько попыток увязать народ гелани с каким-либо из известных по другим источникам народом. Одни учёные пытались отождествлять их с кушанами, другие с албани, но, думается, без достаточных для этого оснований. Гораздо более реальнее искать параллели с аланами, коренными жителями Западного и Северного Туркменистана, родственными эфталитам. Тем более, что они, как, видимо, и эфталиты являются выходцами из массагетской среды. Было бы чрезвычайно заманчивым видеть в гелани Аммиана Марцелина именно аланов, но без должной разработки этого вопроса, видимо, следует признать это лишь как возможный путь научного поиска. Вполне допустимо, что эфталиты представляли собой объединение местных племён, которые после гибели Парфянского государства развернули борьбу против Сасанидского Ирана и образовали своё независимое государство.

Антропологический тип эфталитов, как его рисуют письменные источники и изображения на монетах, был, скорее всего, европеоидным. Во всяком случае он резко отличался от монголоидного. На это обращает внимание тот же Прокопий Кесарийский: «Они белы телом и не безобразны лицом.., образом жизни они были не похожи на других уннов и не живут как те по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собой и с другими справедливость, не хуже римлян или кого другого».

Изображения эфталитских царей на монетах также не несут никаких признаков монголоидного типа.

Язык эфталитов относился, возможно, к иранской языковой группе. Об этом говорит то, что надписи на их монетах относятся к тохарским языкам. Китайские источники определённо сообщают: «язык их отличен от тюркского».

Как мы уже видели, отличались эфталиты от соседних кочевых народов и своим образом жизни. Вспомним, что Прокопий Кессарийский прямо писал, что «они не кочев-

нийки», что мёстами их обитания были «плодородные земли». Это следует, видимо, воспринимать на оседлый образ жизни эфталитов и не позволяет согласиться с мнением тех учёных, которые причисляют эфталитов к миру кочевых племён.

С. П. Толстов на основе археологических исследований писал об эфталитском хозяйстве и быте: «Это народ, характеризующийся комплексным скотоводческо-рыболовческо-земледельческим хозяйством, с ведущей ролью скотоводства, не имеющего, однако, кочевого характера и сочетающегося с оседлым и полуоседлым бытом, с обитанием в укрепленных общинных поселениях — «городах». (Выделено нами.— М. Д.)

На это же косвенно указывает и средневековый автор Махмуд Кашгарский в своём знаменитом трактате «Диван лугат ат-тюрк». Рассказывая о походе Зу-л-Карнейна (Александра Македонского) в Среднюю Азию, он сообщает о массовом переселении народов на восток, кроме тех, кто, судя по тексту повествования, не был кочевником, а местным оседлым народом: «А люди тогда были кочевниками, обитателями шатров. Когда ушли властелин и его войско, от них отстали 22 человека со своими семьями, которые ночью не смогли найти своих выючных животных, чтобы нагрузить их и уйти... Когда эти 22 обдумывали, отправиться ли им пешком или же обосноваться на своём месте, они встретили двух мужчин с ношей на спине и с семьями, ушедшими вслед за войсками. От тяжести ноши те устали и вспотели. Встретившиеся двое заговорили с ними и спросили у них совета,—как быть. И ответили им они, то есть 22 человека: «О, вы, двое мужчин. Этот человек, то есть Зу-л-Карнейн,— странник; он ни в каком месте не останется, а уйдёт от нас, и мы останемся на нашей земле». И сказали тем двум по-тюркски: «Кал ач», что означает: «остановитесь, оставайтесь». Впоследствии они (те двое) были названы «халадж». Таково происхождение халаджей, а их два племени. Когда пришёл Зу-л-Карнейн и увидел эту группу людей, сознательных с признаками тюрков на них, то прежде чем спросил у них (кто они) сказал: «Тюркман-энд», что значило: «Вот эти двое похожи на тюрков». Впоследствии это имя за ними так и осталось до наших дней».

Оставляя в стороне фантастические напластования об Александре Македонском — Зу-л-Карнейне, следует подчеркнуть, что Махмуд Кашгарский выделяет халаджей из среды «кочевников, обитателей шатров». Исследовате-

ли текста Махмуда Кашгарского считают, что в нём нашёл отражение факт реального вхождения в состав туркмен этнического компонента эфталитского происхождения. Кроме того, в этом сообщении имеется прямое указание на то, что тюркизация населения нынешнего Туркменистана началась задолго до массированных вторжений в регион тюркоязычных кочевников.

Говоря о населении так называемых «болотных городищ», С. П. Толстов на основе археологических материалов писал, что памятники эти «созданы народом, по происхождению близким с сармато-аланскими и массагетскими племенами, однако около IV—V веков нашей эры подвергшимся сильному влиянию восточных племён тюрко-монгольского круга, вероятнее всего — гуннов.

Арабские авторы в VII—начале VIII вв. называли население Багдиса и Балхской области, Мерва то тюрками, то эфталитами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что население этих районов в то же время было довольно густым, плотным. Поэтому нельзя не согласиться с мнением А. Ю. Якубовским, что едва ли «огромное население, находившееся на этой территории, можно целиком отнестись за счёт осевших здесь тюрков. Вместе с тем нам хорошо известно, что вышеуказанные районы Тохаристана и Хорасана были главными районами поселения эфталитов в V—VI вв... Нанеся в 563—564 гг. смертельный удар эфталитам, тюрки не выгнали их из районов их поселения и не перебили их всех. Оставшись на местах своих кочевий, эфталиты смешались с пришедшими сюда тюрками, язык и имя которых они и приняли. Не случайно арабы путали тех и других, применяя к ним до известного времени имя то эфталитов, то тюрков».

Так или иначе, ряд эфталитских племён вошёл в состав туркменского и афганского народов. Учёные, например, считают, что эфталитское происхождение имеет племя абдал. В настоящее время племенные подразделения абдал имеются в составе туркмен-човдуров и туркмен-геокленов. Имеется также одноименное племя в Афганистане. К числу туркменских племён эфталитского происхождения причисляются и халаджи. Мухаммед ал-Хорезми и некоторые другие восточные авторы свидетельствуют, что халаджи представляли собой «остаток» эфталитов.

Все перечислявшиеся до сих пор народы, имевшие прямое отношение к формированию туркменского народа, были преимущественно ираноязычными, как, впрочем, и

всё население Средней Азии. Процесс тюркизации европеоидного по облику и ираноязычного по языку населения Туркменистана, по-видимому, начался в первые века нашей эры, когда сюда впервые стали проникать тюркоязычные этнические группы, что зафиксировано и появлением монголоидных вкраплин в общем европеоидным антропологическом типе.

По достоверным историческим источникам начало проникновения тюрков в Туркменистан относится ко времени не ранее VI века. Существующее мнение о тюркоязычности гуннов является дискуссионным.

Одним из первых упоминаний о тюркоязычных племенах в Туркменистане считается сообщение ал-Якуби о строительстве Сасанидом Хосровом Ануширваном (539—571 гг.) мощной оборонительной стены, тянувшейся от Каспийского моря до гор и охранявшей область Гургена от нападений кочевников-тюрков.

Именно в VI веке тюркский каганат в союзе Сасанидским Ираном наносит решительный удар эфталитам, которые теряют сначала своё политическое и военное могущество, а затем и вовсе исчезают с исторической карты. Нельзя, однако, сказать, что после падения эфталитского государства господствующим этническим элементом в Туркменистане становятся тюрки. Тюркские племена, занимаясь по преимуществу кочевым скотоводством, оставались в степях, совершая набеги на оазисы и собирая дань с оседлого населения, которое продолжало ещё говорить на своих языках.

Процесс смешения языков в это время был только в своей начальной стадии и потребовалось, по крайней мере, несколько столетий и несколько волн тюркизации, прежде чем тюркский язык стал господствующим языком местного населения. Даже в X веке великий хорезмийский учёный ал-Бируни писал о народах Присарыкамышья: «Этот род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского».

Учёные считают, что ко времени арабского завоевания Туркменистана (середина VII века) на его территории сложился уже достаточно крупный массив тюркоязычных племён. В VII—VIII веках они представляли собой значительную силу.

В науке в настоящее время выделяется древний доогузский тюркоязычный этнический пласт, вошедший в состав туркменского народа. К выходцам из этого пласта учёные относят этническую группу элеч в Ходжамбас-

ском районе, представители которой считают себя потомками местного древнего тюркоязычного населения. Часть группы элеч связывает своё происхождение с побережьем Каспийского моря, где в средние века по преданиям, записанным туркменским этнографом А. Джикиевым, обитало тюркское племя элеш.

К числу древнетюркского оседлого населения Средней Амударьи Г. П. Васильева, Я. Р. Винников и другие исследователи относят также такие туркменские группы как баят, эски, чандыр, подразделения салыров, крачли, яйчили, эрдели, куланчи. Как отмечает Я. Р. Винников, — «происхождение шести подразделений — хандаклы, копекли, меркит, акчик, газарчи и могул — информаторы не без основания связывают с дроблением племенных подразделений салыров и включением в их состав аборигенного тюркоязычного земледельческого населения, жившего в долине Средней Амударьи до прихода сюда салыров и других туркменских племён».

Видимо, к этому же древнему пласту можно отнести и этническую группу тюрков, проживающую в некоторых горных селениях Южного Туркменистана. Они причисляют себя сейчас к курдам. Замечательно здесь то, что эта группа считает себя родственной туркменским племенам анаули, мехинли, мурчали, нохурли и др., являющимся исконным оседлоземледельческим населением подгорного и горного Копетдага.

Несомненно важную, но отнюдь не исключительную, как это представляется некоторым учёным, роль в тюркизации местного ираноязычного населения Туркменистана сыграли огузы, представлявшие собой конгломерат различных племён и народностей, объединённых общим тюркским языком. Прямое отождествление туркмен с огузами является необоснованным. Во всяком случае, имеющиеся в настоящее время в распоряжении науки материалы не дают достаточных оснований для такого отождествления. Огузы являлись лишь одним из компонентов, который вошёл в состав туркменского народа, базу которого составили местные европеоидные по облику и индоевропейские по языку племена и народы, упоминавшиеся выше — массагеты, дахи, парфяне, маргианцы, эфталиты, аланы и асы и др.

Однако нельзя и принижать роль огузов в формировании туркмен. Из 24 племенных названий огузов, известных нам по средневековым источникам, 8 сохранились в

племенных названиях туркмен и еще 10 в родовых названиях.

Огузы появляются в пределах Средней Азии в IX веке. В это время они в основной своей массе обитали на среднем и нижнем течении Сырдарьи и в степях на север от Устьюрта, между Эмбой и Яиком, откуда они начинают просачиваться на юг и юго-запад, в пределы нынешнего Туркменистана. В скором времени они становятся здесь ведущей политической силой, подчинившей себе коренное население.

Политическое господство с течением времени привело к широкому распространению имени огузов, перенесению его на народы и племена неогузского происхождения. В списках огузских племён, объединённых общей генеалогией, мы находим немало неогузских племён. Больше того, у огузских племён не было и языкового единства. По словам Махмуда Кашгарского, некоторые «огузские» племена, например, кайы, сохраняли свои особые языки. Со временем огузский язык, как язык господствующий в политическом отношении этнической группы, рецептировался остальной частью населения. Наибольшее своё выражение процесс тюркизации местного населения Туркменистана нашёл в XI—XII веках уже в условиях могущественного Сельджукского государства, когда огузский язык стал государственным.

Говоря о тюркизации населения нынешнего Туркменистана, необходимо указать и на кипчакское влияние. Этнографические исследования последних лет позволяют говорить о большем, чем считалось в прежние годы, участии в формировании туркмен кипчакских племён, контактировавших с ними на Мангышлаке и прилегающих районах Казахстана, а в монгольский период проникавших непосредственно на территорию современного Туркменистана.

Внешний облик огузов резко отличался от облика местного населения Туркменистана, которым был присущ тип длинноголовых европеоидов. Огузы были типичными монголоидами. Ал-Масуди писал об огузах: «они самые храбрые из тюрков, самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза».

Эти сведения рисуют огузов совершенно непохожими ни на древних жителей Туркменистана, ни на современных туркмен, которым одинаково был присущ длинноголовый европеоидный средиземноморский антропологический тип. Овладев областями, занятыми европеоидным населе-

нием, интенсивно смешиваясь с ним, известная часть огузов постепенно им ассимилировалась, что нашло отражение в историко-литературной традиции.

Средневековый летописец Рашид-ад-Дин писал: «Слово «туркмен» в старину не существовало. Все племена степные тюркского типа называли вообще тюрками; каждому племени было определено и особое наименование. В то время как те племена Огуза из своих областей вступили в область Маверанахра и на землю Иранскую, и в этой области они рождались и размножались, **внешний облик их, по влиянию воды и воздуха, стал походить на облик таджиков.** (Выделено нами. — М. Д.). Так как они не были собственно таджиками, таджикские (Здесь и далее летописец подразумевал ираноязычные племена.— М. Б.) называли их туркменами, то есть подобными тюркам».

Как мы видели, имён у предков туркмен было достаточно много. Эти имена носили как коренные обитатели Туркменистана, через несколько тысячелетий пронёсших свой внешний антропологический облик длинноголовых европеоидов средиземноморского типа, так и различные тюркоязычные пришлые племена и народности — носители монголоидного облика. Исторический «сплав» этих народов и привёл к возникновению новой этнической общности, получившей единое имя. Этим именем стало имя **ТУРКМЕН**.

ИМЯ ТУРКМЕН

Вряд ли можно найти на планете народ, который не гордился бы своим именем. Есть у туркмен особое понятие — «туркменчилик», обозначающий образ жизни, традиционные верования, обычаи и обряды, психический склад. Понятие «туркмен» необозримо шире его, как и понятие «араб», «русский», «француз» и т. д. В нём сконцентрирована как бы вся информация об этнической общности, её истории и современности, людях и культуре, территории проживания и хозяйственном строе.

В стародавние времена имя одного народа настраивало на дружеские отношения, другого — вызывало тревогу. Не случайно поэтому, как повествуют литературные источники, было принято при встрече незнакомцев после приветствий называть имя своего народа. Средневековый языковед Махмуд Кашгарский в своём знаменитом трактате о тюркских языках «Диван лугат ат-тюрк» счёл необходимым особо выделить понятие «бой», о котором писал:

«Бой — род, колено, племя по-гузски) т. е. на языке огузов.— М. Д.). Если встречаются два человека, не знающие друг друга, то один приветствует другого, потом говорит: «Бой ким?», то есть. «Кто твой род, племя, народ?» И тот отвечает... После этого вступают в разговор или быстро расходятся...»

Имя народа имеет не только этническое, но и социальное значение, оно обычно имеет богатую историю, охватывающую столетия, а то и тысячелетия.

В литературе появление имени «туркмен» связывается с огузами, которые смешивались с коренным населением нынешнего Туркменистана. Но думается, что появление этого имени следует отнести к более раннему времени и связывать его происхождение не с пришлым тюркоязычным населением, а с коренными жителями, которые постепенно переходили на тюркский язык.

В арабских источниках VIII—IX веков, повествующих

о событиях VII—VIII веков в Туркменистане, отмечается путаница в отношении языков населения Северного Хорасана, сохранявшегося ещё свои иранские по происхождению языки, но уже говорившего и по тюркски. Характерно, что Махмуд Кашгарский связывал происхождение туркмен не с огузами, а с халаджами — выходцами из эфталитской среды. А ведь ко времени арабского завоевания эфталиты уже сошли с исторической сцены.

В известной степени на это же указывается Абу-л-Гази в его «Родословной туркмен»: «Туркмен, попавших в Маваранахр, таджики сначала называли тюрками. Через пять-шесть поколений под влиянием климата скулы у них стали постепенно узкие, глаза большими, лица — маленькими, носы — крупными. Из илей (племён), пришедших в туркменский юрт и поселившихся (там), в Маваранахре стали появляться пленники и купцы. Таджики увидели их и называли тюрками, а **прежним дали имя туркмен, что значит — похожий на тюрка**». (Выделено нами.—М. Д.).

Как представляется, из этого сообщения Абу-л-Гази следует очень важный вывод, а именно: туркменами назывались этнические группы, отличавшиеся от собственно тюркских европеоидным обликом, хотя и говорившие по тюркски. Очень важно утверждение Абу-л-Гази, что имя туркмен дано «прежним», под которыми, видимо, понимались доогузские тюркоязычные группы. В нём нашли отражение более ранние, чем огузские, волны тюркизации коренного населения Туркменистана, смешения европеоидного и монголоидного расовых типов. Думается, смешения европеоидного и монголоидного расовых типов. Думается, есть основания считать, что имя «туркмен» появилось для обозначения тюркизированного местного европеоидного населения ещё задолго до прихода сюда огузских племён, последние же закрепили его за всем тюркоязычным населением, сохранившим прежний европеоидный облик.

Учёными давно подмечена закономерность, что народы всегда старше своего имени. Туркмены — имя древнего населения Туркменистана, которое оно получило в процессе его тюркизации. Небезинтересно на этот счёт мнение член-корреспондента АН ТССР А. Ю. Якубовского: «Процесс тюркизации в языковом отношении нетюркских элементов на территории Туркменистана начался ещё до появления первой волны огузов, т. е. до IX в., причём деятельными участниками этого процесса были как сами тюрки, жившие в районе Мерва, Балха и

Дихистана, так и родственные им племена, обитавшие на Балханах и в других местах. Особенно усилился процесс тюркизации после того, как в IX—X вв. на территории Туркмении скопилось большое число огузов. Аланы и асы потеряли свой язык и тюркизировались в языковом отношении. Повсюду при соприкосновении и скрещивании побеждал тюркский язык. Однако этнические, точнее, антропологические особенности физического типа местных ираноязычных племён не исчезли бесследно. Они передали народу, который окончательно сложился здесь и получил имя туркмен, свою долихоцефалию — длинноголовость.

Показательно, что большинство средневековых авторов чётко выделяют туркмен от просто тюрок. Подчёркивая, что «туркмены похожи, на тюрок», они, однако не отождествляют их с ними. Это уже можно видеть в первом толковании имени туркмен, которое было сделано великим среднеазиатским учёным Абурейханом Бируни: «В прежние времена любой из тюрок-гузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился тарджуманом (переводчиком) между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркманом, а мусульмане говорили, что в их число вошёл туркман, то есть похожий на тюрка».

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что Абурейхан Бируни называет туркманов переводчиками-тарджуманами между тюрками и мусульманами. Уже это само по себе предполагает, что они были двуязычными, то есть сохраняли какой-то свой местный язык и знали тюркский. Кроме того из текста Бируни следует, что туркманы были «похожи на тюрок», но тюрками по происхождению, видимо, не были. Иначе говоря, толкование Бируни можно понимать, что туркманами им и людьми его времени (конец X — начало XI века) признавались те группы коренного населения, которые, наряду со своим языком, уже говорили на тюркском.

Также «похожими на тюрок» называет туркмен Махмуд Кашгарский. Сходное толкование имени туркмен мы встречаем и в труде персидского историка XIV века Рашид-ад-Дина: «Когда племена Огуза прибыли из своей области в страны Маваранахра и землю Ирана; то под влиянием климата их облик постепенно стал подобен внешнему виду тазиков¹, но так как они были не были подлинными тазиками, то тазики называли их «туркман»,

¹ Таджики. Выше мы давали этот отрывок по другой рукописи.

то есть «подобный тюрку». По данной причине это имя распространили на все ветви Огуза, и они стали известны под этим именем».

Под «тазиками» здесь понимаются среднеазиатские ирано-язычные европеоидные жители, к числу которых принадлежали и предки туркмен. Поэтому здесь отражён процесс смешения этого населения с пришлыми монголоидными огузами. Смешение это, как мы видели не отразилось сколько-нибудь радикально на внешнем облике туркмен, зато они сменили свой язык на тюркский, так что под туркменами Рашид-ад-Дин, скорее всего, подразумевал те группы местного («тазического») населения, которое овладело и тюркским языком.

О процессе смешения монголоидных огузов с европеоидным местным населением говорится и в «Тарих-Али-и Сельджук» автора XV века Языджи-оглу Али, в которой он пишет, что огузы «смешались с племенами арабов и превратились в «тачилов», добавляя при этом, что когда огузы прибыли в Сирию и Рум (Византию), то их внешний вид стал «тюркским» и «тачиловским», то есть смешанным.

Аналогично толкует происхождение имени «туркмен» и Мирхонд, также писавший в XV веке: «Слово туркмен не является древним. Когда в областях (Маваранахра и Хорасана) народилось (у огузов) дети, то под воздействием климата и местных жителей (нет, я ошибся, напротив, по воле господа, воздающего за добро и зло) их облик отошёл от тюркской внешности. Люди называли эти группы (табага) туркман, то есть подобный тюрку».

Таким образом, приведённые толкования имени «туркмен» свидетельствуют, что им называли группы местного европеоидного населения, подвергшиеся тюркизации. В силу сохранения своего внешнего облика они не могли быть названы в полном смысле тюрками, образ которых связывался с монголоидными кочевниками, в связи с чем, видимо, и появилось имя «туркмен» — «люди, подобные тюркам», но всё-таки ещё не тюрки.

Помимо такого толкования происхождения имени «туркмен» со средних веков широкое хождение получили и толкования о том, что этим именем называли тех тюрков, которые принимали ислам. Именно так пытается объяснить происхождение имени «туркмен» автор XII века Марвази. Более чётко это толкованием даёт османский придворный историк Мехмед Нешри: «В трехсотом году хиджры (999 год нашей эры) две тысячи тюркских шат-

ров, приняв ислам, стали мусульманами. Поэтому их стали называть **тюркиман**. По его мнению это имя двух-составное: «**тюрк**» и «**иман**». Последнее имеет значение «**вера**», то есть «**тюркиман**» должно переводиться как «**верующий тюркок**». Поскольку истинной верой признавался только ислам, то в переводе эта конструкция звучит — «**тюркок-мусульманин**».

Предпринимались также попытки выводить имя «**туркмен**» из «**тюркоман**». Как известно, **команы** или **куманы** обозначались, как **половцы**. В русских летописях по поводу этого указывается: «**куманы**, рекше **половци**». **Тюркское** имя им **кыпчак**, бывшее в значительной степени общим самоназванием **половецких орд** и употребляемое всеми восточными историками. «**Куман**» иногда встречается и как имя собственное. Учёные сближают это имя с самоназванием **кумыков** в **Дагестане** и **кумандинцев** в **Сибири**. В форме «**тюркоман**», по мнению член-корреспондента АН Туркменистана **С. Г. Агаджанова** «лежит реальная этническая и языковая близость между частью **огузских** и **кыпчакских племён**».

Достаточно расхожим является мнение, что имя «**туркмен**» происходит от слова «**тюрк**» и собирательного «**мен**», то есть звучит как «**я тюркок**». Такой точки зрения придерживался венгерский путешественник **Арминий Вамбери**, посетивший Туркменистан в середине прошлого века. Это мнение было поддержано **Ж. Дени**, **Л. Лигети**, которые объясняли имя «**туркмен**», как **чистокровный тюркок**. Аналогично к толкованию имени «**туркмен**» подошёл и турецкий этнограф **И. Кефесоглу**, считавший, что оно связано с образованием в **Семиречье** в **VIII** веке **карлукской державы**. По его гипотезе, племена, входившие в состав **карлукской конфедерации**, получили наименование **туркмен**, что значит «**чистокровные**, **настоящие**, **великие** и **т. д. тюрки**».

С этим мнением трудно согласиться, если вспомнить, что **прародиной туркмен** являлась территория современного **Туркменистана**, а их **предками** — **народы и племена европеоидного длинноголового типа**, смешавшиеся с пришлыми **тюркоязычными, монголоидными по облику пришельцами**.

Тем не менее, эта гипотеза продолжает жить как в зарубежной, так и отечественной исторической литературе. Так, турецкий этнограф **Фарук Сумер**, развивая взгляды **И. Кефесоглу**, объясняет имя «**туркмен**» как «**корень тюркских народов**», «**основа тюркок**», «**истинный тюркок**».

В последние годы эту гипотезу усиленно пропагандирует туркменский филолог, специалист по топонимике Солтанша Атаниязов. Вот что он пишет по этому поводу: «...Слово «туркмен» делится на две части: «турк мен» (я—турок). Слово турк (тюрк) является касающимся всем тюркоязычным народам общим названием. Учёные также делят на две части слово «турк»: тур и к. Здесь последняя буква «к» является окончанием, которое в древних тюркских языках обозначало множество (многочисленность), а слово «тур» имело смысл «племя, народ». Окончания Мен или Ман, имеющиеся в слове «туркмен», встречаются в названиях народов, народностей и племён, как сарман, бессерман, куман, мангыт, а также в названиях туркменских племён и родов, как акман, гараман, навман, худман, орман, гырман, ясман, чешмен и других. Значит, окончания ман-мен являются часто употребляемыми в названиях народов, племён, родов. По мнению учёных, слова «ман-мен» в названиях народов, племён и родов, обозначают «народ, группа племён», как и слово «тур» («тюрк»). Может возникнуть вопрос: почему в одном названии собрались два слова-синонима? В течение долгого времени истинное значение слова тур (түрк) утратилось, и к нему прибавляется слово «мен», обозначающее то же самое. Как, видно, слово «туркмен» в первоначальном появлении означало «тюркский народ», «тюркское племя», «народ, собравшийся из тюркских племён».

Представляется, что в данном толковании следует видеть пример гипотетического, кабинетного подхода к проблеме, так как искусственность конструкции очевидна. Л. Н. Гумилёв в своём труде «Древние тюрки» показывает, что слово «тюрк» означает «сильный», «крепкий», поэтому вряд ли правомочно расчленять его на «тур» и «к». Согласно академику А. Н. Кононову, «тюрк» — собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения. Термин «тюрк» во временном протяжении менял своё значение. В книге «Древняя Русь и Великая степь» Л. Н. Гумилёв пишет: «Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI—VIII вв. это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоидами дагестанского типа. Для IX—XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народностей, в

том числе **мадьяров, русов и славян**. Это культурно-историческое значение не имеет касательства к происхождению. Для **современных востоковедов «тюрок»** — группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения».

Мнение Л. Н. Гумилёва, безусловно, не бесспорно. Но в данном случае мы приводим его, чтобы показать несостоятельность искусственного расчленения «**тюрок**» на «**тур**» и «**к**» для обоснования заданной идеи.

Говоря о различных толкованиях имени «**туркмен**», нельзя не указать ещё на одно, имевшее хождение среди исследователей прошлого века и реанимированное в наши дни туркменским литературоведом Ахмедом Бекмуратовым. Согласно этому толкованию, имя туркмен первоначально звучало как «**тиркоман**», при этом, по мнению сторонников его «**тир**» означает «**стрела**», а «**коман**» — «**лук**». В переносном смысле имя «**туркмен**» означает «**народ, владеющий луком и стрелой**» и может быть переведено даже как «**стрельцы**».

Но ведь точно также в своё время трактовалось и название «**огуз**». В частности, И. Маркварт полагал, что слово означает «**стрелки из лука**». Думается, что прямолинейная схема «**туркмены — огузы**» и послужила основой для выведения формулы «**туркмены—тиркоман—стрельцы из лука**».

Существует и ряд других толкований имени «**туркмен**», в том числе такое, например, как «**тюркман—тюркбан**» — «**земля, страна тюрок**» и т. д.

Представляется, что среди всех толкований имени туркмен, на наш взгляд, наиболее предпочтительной является трактовка его, как «**подобный тюрку**» — «**тюркманенд**», ибо она реально отражает процесс смешения местных ираноязычных европеоидных групп населения с пришлыми тюркоязычными племенами, в ходе которого происходило формирование туркменского народа.

Вот и закончено наше путешествие по дорогам тысячелетий в поисках прародины и предков туркменского народа. Его формирование видится как чрезвычайно сложный и длительный процесс взаимодействия как индоевропейских, так и тюркских этнических пластов. Весь комплекс антропологических, археологических, медико-генетических,

исторических и этнографических данных позволяют говорить о том, что прародиной туркмен являлись горы и подгорная равнина Копетдага, золотые барханы Каракумов и степи Прикаспия, изумрудные оазисы Теджена, Мургаба, Амударьи. Именно здесь жили предки туркмен, прошедшие через тысячелетия, начиная с неолитического времени, свой антропологический облик, характеризующийся чертами средиземноморского длинноголового европеоидного типа. Предками туркменского народа являлись различного рода племена и народы дахо-массагетского круга, парфяне, маргианцы, хорезмийцы, аланы и асы, эфталиты, а также различные пришлые тюркоязычные племена, среди которых выделялись огузы. Эти племена принесли с собой новый — тюркский язык, в известной степени изменили внешний облик, в результате чего на этнической карте мира появилось новое имя — туркмены.

Это имя появляется на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры, но сам туркменский народ, как это мы видели, гораздо древнее, его исторические корни уходят в седую старину. И не помнить об этом нельзя. Нельзя не помнить о тех тысячах поколений предков народа, словно передававших друг другу эстафету на многовековом пути Истории, которые отдавали плоть и кровь свои будущему туркменскому этносу. Мы не можем и не должны слепо идти за позднейшими генеалогическими преданиями, несмотря на всю их важность, как исторического источника, которые упрощённо рисуют картину происхождения туркменского народа, отражают лишь самые поздние исторические реалии. Эти предания можно сравнить с айсбергом, вернее с его надводной частью, в то время как большая его часть скрыта под океаническими толщами.

Рубеж первого и второго тысячелетий нашей эры является «водоразделом» между «дотюркской» и «тюркской» историей народа, издревле жившего на территории современного Туркменистана и сохранившего на протяжении всей своей истории практически в неизменности антропологический облик, генетическую «чистоту», самобытную материальную и в известной степени духовную культуру.

Безусловно, в процессе длительной этнической истории в состав будущего туркменского этноса включались и иные этнические компоненты, ведшие своё происхождение из областей Средиземноморья и Индостанского субконтинента, Сибири и Алтая. Это нашло отражение и в антропологии, и в культуре, и, наконец, в генеалогических пре-

даниях. Но это лишь поверхностные напластования на мощный этногенетический ствол древа туркменского народа, выросшего на местной почве.

Окончательное формирование туркменского народа происходило уже после появления на этнической карте мира имени туркмен, в XI—XII веках, в эпоху сложившейся на территории Туркменистана Сельджукской империи, и в послемонгольское время, в XV—XVI веках. В этот период истории туркмены были втянуты в бурный водоворот миграций, в результате чего широко расселились по всему Востоку — от Китая и до стран Средиземноморья. Они сами положили в этих странах начало формированию новых этносов, таких, например, как азербайджанский и турецкий, и сами испытали на себе сильнейшие влияния со стороны других народов, частью ассимилировавшись ими. В известных случаях произошла подмена этнического имени и самосознания племенным именем и самосознанием, в результате чего на этнической карте мира появились новые имена — салары Китая, афшары Ирана и Ирака, юрюки и бараки Сирии и Турции, ведущие своё происхождение от туркмен.

Но это уже другой рассказ, который мы надеемся изложить в новых книжках. Естественно, что в одной книге нельзя написать всего, что знаешь. И в этой своей книжке мы сознательно ограничили себя лишь рассказом о самых начальных этапах этнической истории туркмен. К тому же мы не претендуем и на всеобъемлющую широту картины, исходя из мысли, что для того, чтобы написать её надо прежде всего создать к ней этюды. Вот почему автор просит благожелательного читателя рассматривать эту книжку как этюды к широкому историческому полотну о жизни родного народа.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Где искать прародину туркмен?	8
Тысячи поколений предков туркмен	15
Как зовут вас, предки туркмен?	25
Имя туркмен	45

В книге на основе обобщения результатов современных антропологических, археологических, исторических, этнографических, медико-генетических и иных исследований рассказывается о происхождении туркменского народа, его исторической прародине, предках — народах и племенах, издревле населявших территорию современного Туркменистана — дахах и массагетах, парфиянах и маргианах, аланах и асах, эфталитах,— и о тюркоязычных народах (огузах), принявших участие в формировании туркмен как этноса,

Марат Дурдыев

ТУРКМЕНИ

**(поиски предков туркменского народа
и его исторической прародины)**

Редактор Г. Батарин

Художник А. Сопиев

Технический редактор Н. Гаевская

Сдано в набор 23.05.91. Подписано в печать 14.06.91.

Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 2,94. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 10.000 экз.

Заказ № 1397. Цена 3 руб.

Малое предприятие «Харп».

Типография ГАП ТССР.

3 p.